

ГНЕВ БОГОВ

СТЕЛЛА ТАК

18+

Ворриор и Пиас

Стелла Так

Ворриор и Пиас. Гнев богов

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Так С.

Ворриор и Пиас. Гнев богов / С. Так — «Эксмо»,
2018 — (Ворриор и Пиас)

ISBN 978-5-04-155237-4

Прежде чем прочитать эту книгу, вам следует знать пять вещей: 1. Меня зовут Ворриор Пандемос, и недавно я стала Богиней Хаоса. 2. К сожалению, я пока не знаю, как бросить эту работу. 3. В нашей безумной миссии по изгнанию греческих богов с Олимпа мы не только потерпели неудачу, нам буквально надавали по щам. 4. Поскольку судьба – та еще сволочь, меня похитил бог. Его зовут Вирус (сын заклятого врага; саркастический идиот; проблемы с головой). 5. Этот умник хочет занять место главного бога и предлагает мне сделку: он вернет для меня кого-то в мир живых, если я выйду за него замуж. А я? Я не знаю, что, черт возьми, мне делать.

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-155237-4

© Так С., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	32
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	59
Глава 8	62
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Стелла Так

Ворриор и Пиас

Гнев богов

Для Астрид, которая сражалась за Ворриор и Пиаса, как настоящий дракон.

© Зайцева Д., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Ошибка. Стоп. Спасибо, скоро все наладим

Мэдокс был мертв. Глубоко в душе я это знала. Желудок вдруг сжался, и к моему перерезанному горлу подступила желчь. Я глотала воздух ртом. Казалось, будто мой мозг задыхается от этих двух слов: Мэдокс мертв.

От одной мысли об этом казалось, что я умираю изнутри. Как будто эхо внутри меня постоянно нарастало и отскакивало от стенок черепа вместо того, чтобы становиться тише.

Мой брат не выжил. Мимолетный взгляд в светло-зеленые глаза был всем, что у меня осталось, прежде чем пламя взрыва поглотило его. Я все еще видела страх и отчаяние на лице Мэдокса. Мне даже показалось, что я чувствовала запах сожженных крыльев. Слышала рев пламени в ушах.

И я... Я даже не могла ему помочь. Я была обречена на неподвижность, пока он...

Я задыхалась, лежа на руках Чарминга, словно безжизненная кукла, потому что порез на горле был настолько широким, что голова откинулась назад. В разрезанной трахее свистел холодный воздух. Тело напряглось, и, будто одна из молний Пиаса, меня пронзил ужас, глубоко проникая в плоть. Вероятнее всего, я выглядела сейчас как какая-то мертвая лягушка, которую с помощью ниточек пытались заставить шевелиться. Мои губы издавали беззвучный крик.

Мэдокс был мертв.

Мэд.

Мой Мэд.

Он был...

– Тихо. Все в порядке. Успокойся, – услышала я шепот Чарминга над своим ухом.

Теплое дыхание щекотало мою щеку. Голос бога доходил до меня медленно и искаженно. Я дрожала, а на языке чувствовался вкус сладкой божественной крови, слез и темной магии. Взгляд судорожно метался по сторонам. Где мы были? В аду! Тартар все еще открывал рот в ожидании нас. Его зубы сверкали перед нами, как мертвые деревья. Сияющие и зловещие, словно в заколдованном сказочном лесу. Я видела перед собой тени других богов, которые медленно к нему приближались. Фэйд. Трик. Рэйзд. И Онор, который нес обмякшее тело Пиаса. Пиас! У меня перед глазами потемнело, когда я подумала о его израненном лице. В это мгновение мой разум отключился. Будто сгорела проводка, и все выключилось. Ошибка. Стоп. Спасибо, скоро все наладим.

Тело парализовало. Оно отказывалось думать дальше.

– Поспи немного, – скомандовал Чарминг, мягко смахивая теплую влагу с моих щек.

Что это?.. Ой. Когда я начала рыдать? Капли падали на руки Чарминга, который, крепко прижимая меня к груди, шел вперед. Наверняка у меня еще и сопли во все стороны текли, но с этим в настоящий момент я ничего поделать не могла.

– Все будет хорошо, – пообещал он мне. Но мы оба знали, что это ложь. Ничего и никогда не станет хорошо. И уж точно не со мной. В ушах гудело. Я чувствовала себя опустошенной. Такой пустой и одинокой.

– Это было только начало, – тихо добавил Чарминг.

Я не знала, было ли это успокаивающим обещанием или зловещей угрозой. Правда, я была слишком вымотана, чтобы думать об этом. Пустота задавила все остальные мысли. Разум защищался от самого себя. От безумия, которое паялилось на меня зелеными глазами Мэдокса и, смеясь, ковырялось в моем мозгу.

Мэдокс.

Я закрыла горящие огнем глаза. Ощущение в горле было омерзительным. В моей собственной плоти зияла дыра, а в нее пробивался холод. Как у разрезанной рыбы, которая в агонии задыхалась от боли. Я задыхалась, но не умирала. Магия Чарминга жужжала на моей коже, а его запах ударил мне в нос, сладкий и пряный, как у Мэдокса. Он тоже всегда прекрасно пахнет. Домом. Корицей, гелем для душа с ароматом шоколада и печеньем «Поп-Тартс», которое он всегда тайно поедает.

Тайно поедает, исправил мерзкий голос в голове. Меня снова тошнило.

– Спи, – прошептал Чарминг на ухо, и я почувствовала, как этот приказ подбирается к моему мозгу, обосновывается там и тянет вниз.

Пальцы задрожали. Дыхание медленно успокоилось, стало более глубоким и размеренным. Веки опустились, словно наполненные свинцом. Все во мне хотело заснуть, подчиниться приказу, но ничего не получалось. Что-то удерживало мою опустошенную душу на плаву, не давая покоя. Я снова и снова видела перед собой одни и те же картины.

Смех Спэйда над своим ухом, когда он прижал нож к моему горлу.

Выстрел из пистолета Мэдокса.

Звук снаряда, вонзившегося в лицо Пиаса.

Я видела серебряную кровь. Страх и отчаяние в глазах брата, когда его настиг взрыв.

У меня снова начались судороги. Шок смог подавить даже магию Чарминга.

– Что с ней? – услышала я обеспокоенный голос Рэйзда рядом.

Чарминг фыркнул.

– У нее шок. Ее магия сопротивляется моей.

Я захрипела. Остатки души Аида и Геракла текли внутри меня, словно плотная смола, забивали горло и, наконец, спускались с губ со слюной. На вкус они были очень горькими.

Мэдокс! Пиас! Спэйд! Мэдокс! Пиас! Спэйд!

– Выглядит ужасно! – в голосе Рэйзда послышалась паника.

– Я знаю. Нам надо поторопиться. Док точно знает, что делать.

Мне стало жарко. Слишком жарко. Магия бушевала в моих внутренностях, словно животное, пытавшееся сорваться с цепей. Василиск на запястье нервно свернулся, потираясь тонкой чешуей о руку. Он был готов вот-вот спрыгнуть с меня.

– Скорее! – боги побежали быстрее.

Топот их ног эхом разнесся по стенам каменной пещеры. Чарминг вдруг подпрыгнул. Воздух затрепетал в волосах и коснулся горячей кожи. Мой желудок будто провалился куда-то, когда мы упали в глотку Тартара. Я услышала щелканье зубов и запах древней магии, окутавший нас. Тартар снова нас проглотил. И если раньше это было нашей тюрьмой, то теперь мы бежали обратно, как побитые рыцари в свой надежный бастион. Боль пронзала кишечник и ковырялась там, словно длинная вязальная спица, заставив меня согнуться. Кожа туго обтянула кости, которые пульсировали так, будто были готовы сломаться в любое мгновение, а крылья бесконтрольно дрожали за спиной.

Чарминг выругался, и я выскользнула из его рук, тут же упав во влажное и пропитанное слизью горло существа. Мое правое крыло хрустнуло, когда я перевернулась, и еще пара тонких костей была раздавлена из-за стремительного падения. Я вдруг услышала испуганные крики других богов, будто кто-то сделал радио громче. Они выкрикивали мое имя, но я не могла сдвинуться с места. Что меня парализовало? Шок? Магия Чарминга? Или моя собственная? А может быть, ненависть к самой себе?

Что бы это ни было, я безвольно падала, как марионетка, чьи ниточки обрезали. Проваливалась в горло существа все дальше и дальше.

– Суженая! – это был голос Пиаса.

Такой далекий и полный паники, что я сделала невозможное и действительно открыла глаза. Словно это был приказ, которому я не в силах была противиться. Еще секунду я видела

вместо бога яркое пятно с развевающимися во все стороны голубыми волосами на фоне кроваво-красного неба, а затем случилось столкновение, поднявшее в воздух огромное облако пыли.

Я прикусила язык, наверное, даже откусила его, потому что из рта в то же мгновение хлынул ручей крови. Крылья были разорваны, как бумага. Я снова рухнула с высоты. В прошлый раз это случилось, когда боги сбросили меня в Тартар, а я вместе с Мэдоксом упала с Олимпа в ад. Воспоминания об этом были удивительно свежими. Прежде всего потому, что ощущалось это так, будто меня раздробили на кучу маленьких кусочков. Земля подо мной дрожала, а тело пропахало собой целый ров. Кости ныли, но каким-то чудом оставались на местах. Магия бушевала в венах, будто дикое животное. Сила богини во мне противопоставила себя всем законам природы.

Это был, вероятно, тот памятный момент, когда я заметила, как сильно изменилась. И все это лишь за несколько недель, которые, по факту, начались с того самого мгновения, когда Пиас появился в моей жизни. Нелепая и уничтоженная болью и горем, часть меня в этот момент мечтала о том, чтобы я никогда не очутилась в объятиях этого прекрасного бездушного бога. Потому что, какой бы сломленной, разбитой и растерянной я себя ни чувствовала, это было уже не мое тело, и моим оно больше не будет. В отличие от брата, я не могла умереть, не могла последовать за ним. Я уже была слишком сильной. Противилась законам природы, которые непременно забрали бы мою жизнь после такого падения. Но бессмертие больше нельзя было подавить. То, что осталось внизу, являлось остатками моей человечности. Она уступала дорогу чему-то совершенно новому и незнакомому. Еще до того, как треск в ушах замолк, я почувствовала, как заживает язык. Остаток души Геракла вытек из меня и черной слизью приземлился на землю. Я повернулась в другую сторону, и меня стошнило. Порез на горле пульсировал. Он ритмично затягивался, пока кровь и остатки душ покидали мое тело. Я хрипела. Кричала. Боль хваталась за мои нервные окончания и мышцы.

– Ворриор! – один из богов – я точно не знала кто – приземлился рядом со мной. Песок продолжал гневно клубиться в воздухе.

У Василиска однозначно закончилось терпение, и он сорвался с моей кожи. Его гигантское тело начало вытягиваться, увеличиваясь до размера высотного дома, и свернулось в защитном кольце вокруг меня, а три головы сердито зашипели. Все больше богов опускалось на землю. Но единственное, что я чувствовала, был... Мэдокс.

Я согнулась и выплюнула кучу песка, который проглотила, сама того не заметив. Василиск бросился на стоящих вокруг меня богов. Он не понимал моей боли и ее причину. Животное действовало инстинктивно, обращая внимание лишь на бушующее во мне отчаяние. Боги, ругаясь, рассыпались во все стороны.

– Ворриор! Отзови свое чудовище! – услышала я крик Рэйзда.

Мои пальцы впились в горячую землю, а горло продолжало затягиваться. Я жадно глотала кислород, пуская его в свои легкие, которые хрипели в ответ.

Ранее выплюнутая слизь стала плотнее, собралась в комок и сформировывалась в тело Геракла, который тоже глотал ртом воздух, выглядя таким же дезориентированным, какой ощущала себя я. Он переводил свой нервный взгляд с меня на Василиска, а затем на других богов. Несмотря на очевидное замешательство, он на удивление быстро оценил ситуацию и, словно проворная ласка, вскочил на ноги, бросив на меня испуганный взгляд, и убежал прочь. Я молча глядела ему вслед. Василиск тем временем шнырял по песку, сосредоточенный на богах, которые, в свою очередь, наблюдали за чудовищем, пока Геракл спасался бегством.

Мои пальцы дрогнули. Я должна была сделать хоть что-то. Чем мы только не рисковали, чтобы поймать хотя бы одного этого идиотского бога!

Мэдокс. Зажившее горло в то же мгновение сжалось. Боль пронзила кишечник, заставив меня рыдать. Мэдокс умер из-за миссии Пиаса, из-за его кровожадного восстания. Пиас

настаивал на том, чтобы я пошла с ними. Неопытная и нетренированная, ведь он был таким нетерпеливым. Он хотел, чтобы мы схватили богов, а теперь единственный наш трофей убежал прочь. Мы так позорно провалились, что могли занять первое место в Книге рекордов Гиннеса по идиотским провалам. Я всхлипнула, а вокруг меня бушевал хаос. Боги отчаянно пытались уйти от Василиска.

Я вдруг почуяла запах озона. В воздухе трещали молнии, которые так сильно ударили Василиска, что его отбросило назад и длинное чешуйчатое тело свернулось клубком на вздымающемся в воздух песке. Его крик разрезал знойную жару и завибрировал в моих перепонках. Зверь рассыпался в бесполезный дым, который мгновением позже вернулся на мое тело.

Я заныла, когда смерть змея сотрясла мое сердце. И все же не сдвинулась с места. Если мне повезет, одна из молний Пиаса попадет в меня, и я тоже обращусь в дым. Тогда хотя бы эта боль прекратится. Тогда пропадет дыра в душе, которую оставила смерть брата. Но, к сожалению, ничего подобного не случилось. Вместо этого меня схватили две сильные руки и перевернули на спину. Я уставилась вверх. Надо мной стоял Пиас. Синие волосы небрежно спадали на его простреленный лоб. Раны еще не успели закрыться, и серебряная кровь стекала по его лицу и капала с подбородка. В этом зрелище было что-то гипнотическое. Место, где раньше находился его правый глаз, было пустым. В дыре виднелась кость, которая когда-то обрамляла глазницу. Кожа пахла горелым, а следы пороха растянулись от щеки к уху. Больше половины его лица было уничтожено. Прямо как моя душа. Правда, ее вряд ли можно будет снова починить.

– Ворриор! – дрожа, прошептал он. На его лице отражался страх. Он быстро прощупал мое тело. – Ты ранена? Ты можешь дышать? Что у тебя болит? – слова вырывались из его рта, словно жесткие приказы.

Я захрипела. Этого хватит в качестве ответа.

– Суженая! Открой рот! Где ты ранена? – он грубо тряс меня. Я чувствовала его страх за меня в каждом резком вздохе, в дрожи пальцев.

Лицо Пиаса расплылось в потоке слез, наполнивших мои глаза. Почему он вообще интересовался моими травмами? Он себя-то вообще видел? Кто-то должен срочно отвести его к Доку, чтобы тот собрал его по частям. Я была совершенно довольна ситуацией, в которой останусь лежать здесь и ждать своего нервного срыва... Хотя... секунду... я ведь его уже дождалась. Причем давно.

– Ворриор, приди в себя! – я услышала шлепок, после чего моя щека вспыхнула. Я раздраженно хлопала глазами и смотрела на Пиаса. Ох уж эта пощечина... ай! Он хоть понимал, что это домашнее насилие? В любой другой ситуации он бы за такое получил пинок под зад. Его вызывающий взгляд, казалось, хотел пробудить во мне именно эту реакцию. Но мозг обмяк, и единственной активной частью тела были мои дрожащие пальцы.

– Что с ней? – рядом с нами появился Чарминг. Светлые волосы развевались на ветру красной пустыни, а лицо, как, очевидно, и у всех нас, было настолько испачкано грязью, что узнать его было сложно. Растекшийся кайал образовал черные линии вокруг его глаз. Он походил на симпатичного енота.

– Я сам не знаю, – выдавил Пиас. – Она просто не реагирует!

– Пиас! – из ниоткуда появился Рэйзд. Он выглядел не менее измученным, чем Чарминг и Пиас. Его смуглая рука опустилась на левое плечо Пиаса и крепко его сжала. – Нам надо уйти отсюда. Я или Чарминг заберем Ворриор. Тебе нужно к Доку. Сейчас же!

– Нет! – сказал Пиас.

Господи! Сколько упрямства в таком коротком слове. Рэйзд разочарованно зарычал.

– Без обид, чувак, но твое лицо выглядит так, будто ты проиграл пиле, – Рэйзд сразу перешел к делу.

– Сначала я должен узнать, все ли хорошо у Ворриор!

– Пиас...

– Она не двигается! Она ничего не говорит, и я чувствую... не знаю... я ничего не чувствую. Ворриор, скажи хоть что-нибудь! – Он снова отчаянно меня затряс.

Я беспомощно устала на него.

Рэйзд окинул своего друга внимательным взглядом черных как смоль глаз.

– Пиас, а теперь серьезно. Дела у Ворриор совсем плохи. Ее душа кричит так громко, что я вот-вот оглохну. Может быть, тебе лучше взять ее с собой. Мы, наверное, не сможем помочь ей сейчас, пока она в таком состоянии, – он снисходительно указал на горячий вздымающийся песок. Красивый песок. Милый песок. Я могу здесь остаться. Навсегда.

Цвет лица Пиаса за короткое время так часто менялся, что он с легкостью мог подрабатывать хамелеоном. Сначала красный, потом белый, потом немного желтоватый и снова белый.

– Что с тобой? – рявкнул он в мою сторону, потом схватил и поднял на руки, хотя сам едва мог держаться на ногах. Мы закачались. Я выскользнула из его хватки и снова упала, не моргнув и глазом. – Что с тобой? – снова зарычал Пиас. В его взгляде мерцали тени, которые я никак не могла истолковать. Я просто не обращала на них внимания. Некоторые вещи и не надо пытаться объяснить.

– Пиас! – это был Чарминг. В его обычно беспечном голосе звучала жесткость. – Мы виноваты в смерти ее брата. Я думаю, проблема в этом.

Пиас, который только открыл рот, чтобы дать волю разочарованию, снова его закрыл. Я почти подняла бровь. Он действительно только сейчас это понял? Конечно, в его голове была дыра размером с мяч для гольфа, что, возможно, не совсем положительно влияло на быстроту мыслительных процессов. Но о чем он вообще думал? Он сделал так, что половина Аваддона, моего дома, взорвалась! Тут нельзя было сказать: «Извини, дерьмово получилось». Это было... Я и не знала, что это было, но вызывало во мне желание заткнуть дыру в его голове. Его членом, например. Из-за него Мэдокс был мертв. Как и Спэйд, а также, вероятно, все существа на соседних этажах. Сотни! Тысячи!

Когда мои глаза снова застлали слезы, я не отвела взгляд. Он должен был это видеть. Он был просто обязан увидеть мои слезы, иначе никогда ничего не поймет. Я не осмеливалась даже моргнуть, хотя глаза уже начинали болеть.

Пиас уставился на меня. Без движения и без эмоций, словно какая-то статуя. В его оставшемся глазу все еще танцевали тени. Под моим пытливым взглядом волосы на его руках встали дыбом, а ноздри раздулись. Мой тихий упрек нашел виновного. Бог тут же повернулся, заставив песок клубиться, и прервал наш мучительный зрительный контакт.

– Заберите ее! – грубо приказал он, прежде чем внезапно уйти. Мы с Рэйздом и Чармингом посмотрели ему вслед. Остальные были уже далеко впереди, но они ждали, пока их догонит отец богов.

– Ну пойдем, сладкая. Все будет хорошо.

Снова врет. Чарминг, казалось, любил это делать в неприятных ситуациях. Сильные руки придержали меня за спину и подняли в воздух. Мы пошли за Пиасом и его божественными приспешниками.

Голова Фэйда светилась в рассеянном красном свете. Его руки заметно дрожали, когда он открывал портал, люминесцентная пасть которого разверзлась посреди песчаной пустоты, словно открытая рана. Боги молча запрыгнули в нее. Мы – имеются в виду Чарминг и, по принуждению, я – прыгнули за ними. Мир расплылся вокруг, когда время остановилось и выплонуло нас там, где мы начали нашу самоубийственную миссию.

В холле царила гробовая тишина. Шаги богов громко отдавались эхом от мраморного пола. От прежней суеты ничего больше не осталось.

– Элита уже ожидает в конференц-зале! – обратился один из богов – кажется, Онор – к Пиасу. Тот кивнул и хотел было направиться в комнату, как вдруг замедлился. Он посмотрел на меня.

– Перенесите собрание на потом, – тихим голосом решил он. – Нам нужно к Доку.

В ушах что-то треснуло.

– Он уже ждет вас в комнате! – раздался в моей голове голос Хака. Ой, он же еще там. Как прекрасно.

Я позволила Чармингу отнести меня в комнату. Все остались в холле, кроме Рэйзда, который, очевидно, не хотел оставлять Пиаса одного. Наедине со мной или наедине с неприятной ситуацией – вопрос открытый.

Я устало закрыла глаза. Мне больше не хотелось думать. Так или иначе, я даже не могла это делать. По крайней мере, не рационально точно. Все то короткое время, что Чарминг нес меня в комнату, я делала вид, что меня не существует. В ушах упорно звенело. Подкрадывалась тошнота, и я чувствовала остатки какой-то божьей души на языке. Надо бы избавиться от нее, иначе никогда не успокоюсь. У Дока наверняка для этого есть какое-нибудь средство. Или я силой мысли заставлю Чарминга засунуть палец мне в горло. Одна я с этим точно не справлюсь.

Дверь распахнулась, и мягкий порыв воздуха заставил веки открыться. Я посмотрела на спальню сквозь ресницы. В углу у окна стояло выглядевшее потерянным растение. Брейв. Его веточки затряслись, когда он увидел меня.

В следующее мгновение я уже лежала на большой кровати Пиаса. Темные шелковые простыни были такими мягкими, что мне казалось, будто я опускаюсь в перышки. Матрас прогнулся, когда Пиас опустился на него рядом со мной. Он застонал и выглядел... извините... просто хреново. Лицо хоть и заживало, но все происходило так долго, что богу, вероятно, еще несколько дней придется ходить с этим фаршем вместо лица. Его нос был совсем бледным, а губы Пиас поджал так сильно, что они почти исчезли.

Док тут же наклонился к нему с ошеломленным выражением лица и сурово нахмурил брови.

– Боже ж ты мой! – выдавил он. – Кажется, мы не победили.

– Оставь свои комментарии при себе! – прошипел Пиас.

Челюсть доктора дрогнула, но он не стал больше отпускать никаких саркастичных замечаний, а только наклонился ближе к Пиасу и убрал испачканные кровью волосы со лба.

– Что скажешь? – кратко спросил он.

Пиас скрипнул зубами.

– Выстрел в лобные доли. Разрушенная скуловая кость. Пуля еще там, но кровотечение уже остановилось.

Док кивнул, поднял руки с его лба и помахал ими перед оставшимся глазом Пиаса. У бога были явные сложности с тем, чтобы уследить за движениями.

– Как думаешь, пуля сама выйдет? Или мне надо тебе помочь? – поинтересовался Док после нескольких повторов упражнения «смотри за пальцем». Пиас явно терпел неудачу.

– Помочь! – кратко выдавил он.

У него на лбу проступил пот. Док кивнул и поднял ладонь, над внутренней стороной которой дрожала магия. Пиас тут же покачал головой. Ему явно было больно двигаться, он скривил губы и тихо застонал.

– Не мне. Сначала Ворриор. У нее... у нее еще есть душа.

– Ворриор? – взгляд Дока переметнулся ко мне. На его лбу образовались морщины. – Ты как?

Я молчала, а Чарминг рядом со мной вздохнул.

– Она в состоянии шока. Ее брат только что умер, – мягко объяснил он. Слишком мягко.

Доктор изучающе смотрел на меня, а затем подошел поближе и пропальпировал тело. Он нажал на живот, который сразу же заурчал.

– Кажется, с физической точки зрения она не слишком пострадала. Я вижу лишь крошечные следы чужой души, – его пристальный взгляд изучил мои мышцы и кости, прежде чем Док снова повернулся к Пиасу. – Я не могу ей помочь. Твоя очередь.

– Нет! Сначала Ворриор! Она проглотила Геракла, – прокричала синеволосяя башка, он же отец богов.

Док нервно щелкнул языком.

– Сначала надо заняться более серьезными травмами, и под серьезными травмами я имею в виду твои, – железным голосом сказал он. – Как я уже говорил, в физическом плане Ворриор не пострадала. Если она и глотала Геракла, он уже точно не в ней!

– Но... Я этого не понимаю, – Пиас выглядел сбитым с толку и в то же время расстроенным.

Я попыталась с помощью взгляда дать ему понять, что давно выплюнула Геракла и он исчез в пустыне, но Пиас был не на пике эмпатии и не в состоянии расшифровать мои панические выкаты глаз. Его лицо приобрело такое выражение, будто он в любой момент готов был от злости укунить подушку.

Казалось, Пиас снова хотел наложить вето на вмешательство в свое здоровье, тем самым раздражая всех нас еще больше, но Док уже вытянул свою руку в его сторону. На бледных кончиках пальцев зашипела магия.

Пиас заморгал из-за внезапной вспышки и закричал, когда Док без колебаний полез ковыряться в открытой ране. Волосы на моей шее встали дыбом. Я непроизвольно схватила Пиаса за руку, и его длинные пальцы ухватились за мои, а ногти впились в ладонь.

– Еще немного! – пробормотал Док.

Кровь лилась. Несколько серебряных капель упали мне на щеку. Сладко пахнувшие, они стекали к моему подбородку, щекоча уголок губ, пока Пиас ревел от боли во все горло.

– Вот и все!

Я услышала влажное хлюпанье, и снова полилась кровь. Пиас застонал.

Врач торжествующе держал в руке сплюснутую пулю. Она была похожа на монетку, только поменьше. Мне стало плохо, когда вспомнила, как Мэдокс нажал на курок и отправил пулю в голову Пиаса.

– М-м-м, титан! Умно, умно! – прокомментировал Док, щелчком пальца заставив снаряд исчезнуть. Пиас задрожал. Его рука так крепко обхватила мою, что я услышала, как хрустят кости. И все же я ничего не говорила, продолжая изображать немую куклу.

– Секунду! – доктор длинными шагами отошел от нас, сел на корточки перед окном и открыл свой вездесущий медицинский чемодан. Из него он достал белые марлевые повязки, компресс и бутылочку с сомнительным красным содержимым, которую открыл, подходя обратно. Запах амброзии наполнил воздух. – Может немного жечь, но это ускоряет процесс восстановления, – он без лишних церемоний вылил все содержимое в открытую рану Пиаса.

Он чуть не слетел с кровати, когда его спина выгнулась. Но все же не отпускал меня ни на секунду.

– Ты что, совсем с ума сошел? – рявкнул бог, когда шок прошел. Док начал накладывать повязку с компрессом вокруг головы Пиаса, словно белый шлем.

– Ой, мне очень жаль. Я не знал, что с нашим принцем надо обходиться как с малышом. Хочешь леденец?

– Да что на тебя нашло? – прошипел Пиас, наконец отпустив мою руку, и резко сел. Он шатался, но ему все же удалось выпустить пару угрожающих молний в сторону врача.

Мышиного цвета брови Дока поднялись.

– Думаю, вида твоей эмоционально сломленной половинки достаточно в качестве ответа. Я ждал от тебя большего.

Молнии внезапно прекратились. Док поджал губы и подошел ко мне, почти нежно посмотрев. Он присел на корточки и положил руку мне на лоб.

– Я дам тебе поспать, если ты не против, Ворриор, – прошептал он. – Я пока что не могу помочь тебе. Но время... время лечит все раны.

Я моргнула. Это ведь было почти как кивок, правда?

Док улыбнулся в ответ. Таким милым со мной он еще никогда не был. Жутко.

– Все будет хорошо, – солгал он.

Я перевела взгляд на Чарминга. Тот оперся на дверной косяк со скрещенными на груди руками и ни на секунду не спускал с меня глаз.

Рэйзд все это время молча сидел в большом кресле рядом с растением-Брейвом, наблюдая за сценой своими черными глазами.

– Спи спокойно, – магия врача, совсем не похожая на предыдущие пытки Чарминга, сверкнула и мелькнула в голове. В этот раз я заснула в мгновение ока.

Глава 2

Меня в тот момент мало волновали трусы Шейм...

Мне не снились сны, и я не чувствовала ничего, что можно было распознать как признак жизни во время коматозного сна. Было неясно, как долго я лежала в кровати и играла в мертвую, но в какой-то момент открыла глаза. Магия доктора все еще меня контролировала. Я чувствовала ее дурной привкус на языке и глубоко в своих костях, которые стонали от напряжения. Сон терзал меня, тянул вниз. И все же я усилием воли держала веки открытыми, а затем увидела перед собой того, кто меня разбудил.

О сидела рядом со мной с серьезным лицом и пялилась на меня. Она была такой низкорослой, что ее ноги, обутые в ковбойские сапоги, болтались над полом. Ее боа небрежно сползло, а лицо на блестящем черепе выглядело изможденным. В молочных глазах отражалась грусть. Целую вечность мы просто глядели друг на друга. Наконец она протянула бледный палец в мою сторону и что-то смахнула. Слезу. Когда я начала плакать? И слеза ли вообще это была? Богиня опустила взгляд. Капелька, словно жемчужина, блестела на ее пальце.

– Мне так жаль, Ворриор, – прошептала О и слизнула слезу с пальца. Ее кажущиеся прозрачными веки опустились, и она резко втянула воздух. – Я... – она со свистом выдохнула. Ее глаза панически дрогнули. – Мне так жаль, что я слишком поздно увидела это. Иначе предупредила бы тебя. Клянусь, я бы обязательно все это предотвратила, если бы вовремя узнала. Однако мне казалось, будто кто-то закрывает мне обзор. Кто-то, кто намеренно хотел скрыть от меня эту реальность, – ее нижняя губа дрогнула. – А теперь уже слишком поздно. Я клянусь тебе, Ворриор, когда узнала, что стряслось, то целыми часами сидела в своей комнате и пыталась найти реальность, в которой Мэдокс... в которой бы этого не произошло. Но, я боюсь, твой брат... Ворриор, мне так жаль. Он мертв.

Я молча всхлипнула. Сердце будто разбилось на осколки, один из которых врезался в легкие, другой в живот, а третий в мозг. Медленно и с наслаждением. Я заплакала, а О взяла мою руку и обхватила. Внутренние страдания были такими невыносимыми и полными ужаса, что я снова отключилась от внешнего мира, перестав бороться. Магия давила, и я упала в темноту, заснув в очередной раз, парила там, пока меня не разбудил новый раздражитель.

Я вздохнула и подняла голову, глядя сквозь тяжелые ресницы. О исчезла. Вместо нее на моей кровати сидел Брейв, мягко гладивший меня по волосам. Его губы двигались, а я ни слова не понимала, потому что шум в моих ушах был слишком громким. Но то, что он говорил, звучало успокаивающе. Мирно. Я вяло ему улыбнулась, он улыбнулся в ответ, прежде чем меня снова утянул сон.

Так повторялось снова и снова. Магия доктора не отпускала меня. Как и боль. Боги заходили в комнату и снова ее покидали. Я чувствовала, как Бладклоу охраняет меня. Его тело дарило теплоту, которой не хватало из-за дыры в душе. Иногда мне казалось, что Пиас рядом. Он сидел здесь и охранял меня, прямо как Бладклоу. Иногда он что-то мне пел. Это делало меня счастливой, по крайней мере на короткое время, пока я не тонула в искупительной тьме.

Хак говорил со мной неуверенно. Один раз мне даже удалось открыть глаза и раздраженно на него посмотреть. Он ухмыльнулся. Господи! Ему надо срочно сменить парикмахера. Копна на его голове становилась все более дикой.

Бизар и Чарминг тоже приходили меня навестить и рассказывали, что происходило в Тартаре. Начиная с красных стрингов Шейм, которые всем приходилось лицезреть, когда Пиас проходил мимо нее, а она «случайно» наклонялась, заканчивая ее провальными попытками поцеловать его. Кажется, они таким образом пытались заставить меня ревновать и добиться хоть какой-то реакции. Но в тот момент меня мало волновали трусы Шейм, как и болтовня

Бизара об особенных футболках, которые он для меня нашел. Я узнавала многое, но запоминала совсем мало. Иногда заходил Рэйзд, который рассказывал что-то о волнениях в рядах богов. Некоторые были недовольны стилем правления Пиаса. В адской темнице все кипело. Я снова заснула, а спустя короткое время почувствовала, как меня гладят холодные руки Дока.

Я услышала глубокий голос Пиаса.

– Уже лучше?

– Нет!

– А когда ей будет лучше? Я... Мы нуждаемся в ней.

– Этого я сказать не могу. Магия сейчас сведена к минимуму и стала резервной энергией.

Душа, как сломанная кость, которая не хочет лечиться. Если я разбужу ее, могут появиться психологические побочные явления. Ворриор нестабильна. В данный момент она вообще ничего не может делать. Война подождет.

Пиас молчал. Он исчез и больше не вернулся, а я погрузилась глубже в себя. Думала о жизни до Тартара, о том, кем была до того, как стала богиней и познакомилась с Пиасом.

Я промотала в голове все воспоминания, даже самые банальные. Большинство из них приходили из таких глубоких чертогов разума, что я и не помнила, что такое со мной действительно происходило. Все равно, какой сценарий я смотрела: почти в каждом из них мой брат играл центральную роль. Мэдокс обнимал меня или облизывал палец, а затем засовывал его мне в ухо. Он спал рядом со мной с кончиком крыла во рту. Забывал надеть рубашку или делал первую татуировку, плача при этом, как малыш. Кажется, от этого воспоминания я тоже плакала.

Как же мне его не хватало! Я и раньше переживала, что его не было рядом, но все же знала, несмотря на тяжелое падение с Олимпа, он еще жив. Знала, что с ним все хорошо. Хоть без меня и со сломанными костями, но, по крайней мере, в безопасности рядом с Аидом, где он мог ругаться с нашими братьями и устраивать нелегальные бои василисков. Пока знала об этом, я могла спать спокойно. Но сейчас... Сейчас я стала совсем одинокой без него.

– Ворриор! – уверенный шепот разбудил меня.

Я что, храпела? Звучало очень похоже. Какой стыд! Я открыла глаза. Надо мной стояла О.

– Ворриор! – прошептала она. Заметив, что я в сознании и вижу ее впалое лицо, она грубо потрепала меня за щеку. Ее тощие пальцы вибрировали на моей коже. Что-то было не так с ее глазами. Они были слишком широко открыты, кроваво-красные от лопнувших сосудов. Она выглядела полностью истощенной.

– Ворриор, я кое-что увидела, – прошептала она мне на ухо. – У тебя есть одна возможность снова увидеть Мэдокса. И быть с ним рядом!

Мои безвольные конечности впервые за долгое время содрогнулись. Я еще шире открыла глаза и хотела сказать хоть что-то, но из моего рта вышел лишь теплый воздух. Будто горло все еще было разрезано.

– Тихо. Не говори. Это... – О колебалась. – Я искала решение и кое-что нашла. Вернее, решение само нашло меня! – Кожа ее сухих потрескавшихся губ горела, когда она облизнула ее. – Я кое-что придумала, но цена этого решения просто огромна. Чтобы это стало возможным, должны произойти ужасные вещи, и ничего тогда больше не будет как прежде. Ты должна серьезно подумать. Если ты решишь оставить его в покое, твоя боль уйдет. Не сейчас и не скоро, но когда-то она утихнет. Ты будешь править рядом с Пиасом. Вы свергнете Олимп. Я видела это. Однако, если ты хочешь вернуть Мэдокса, придется разрушить... многие вещи. В твоей жизни появятся люди, которых ты никогда раньше не встречала. Люди, которые изменят тебя. Реалии меняются. Время надо точно согласовать. Мне придется действовать быстро, но в моих силах сделать все, чтобы это произошло. Я могу создать новую жизнь, которая приведет тебя к брату. Ты хочешь этого?

Она замолчала. Тишина так же громко давила на меня, как и ее слова. Я не могла думать. Все крутилось вокруг, а голос О эхом раздавался в голове. Единственное, что я действительно понимала, было важнее всего: я могла вернуть Мэдокса. Возможно, он будет жить. Какова цена всего этого? Неважно. Я собрала все силы, которые могла в себе найти, и кивнула. Но сделала это уверенно.

Плечи О затряслись, и ее губы потеряли цвет.

– Я так и подумала, – прошептала она. – Мне очень жаль. Сейчас скажу еще кое-что. Тебе придется пройти через ужасные вещи. Но ты сильная и справишься. Ты должна.

С очередным кивком моя энергия закончилась. Я непроизвольно закрыла глаза и заснула. Окутанная магией доктора, я слушала, как О рассказывает мне о судьбе, которую я изменила единственным кивком. Для каждого из нас.

Глава 3

Большие богини не плачут

Я сидела на радужном единороге, широко улыбаясь, и кричала от радости. Палка, к которой был прикреплен единорог, ритмично поднималась и опускалась, пока карусель кружилась, а теплый ветер раздувал мои золотистые волосы. На моей голове сверкала розовая корона. В одной руке у меня была волшебная палочка Лилифи¹, а в другой – пластиковая грива единорога. Волосы животного казались жирными и немного липкими. На самом деле было неприятно, но единственное, что имело значение, когда мне было четыре, – верховая езда на единороге! С настоящим розовым рогом! Я радостно подпрыгивала на окоченевшей спине животного и махала своей палочкой Даймонд, которая наблюдала за мной со скамейки в парке. Смех других детей эхом отдавался в моих ушах. В двух единорогах от меня сидела Руби, самый младший ребенок в семье после меня. Ей восемь, и Даймонд пришлось практически заставить ее сесть со мной на эту карусель, потому что одной мне нельзя ехать. Сердитые взгляды и упрямо скрещенные на груди руки демонстрировали не только строгий отказ Руби веселиться, занимаясь чем-то настолько детским, но и немое обещание того, что мне придется пожалеть об этом дне. Однако в тот момент даже обещания мести не смущали меня. Мой звонкий смех разносился по Гайд-парку вместе со смехом других детей, и я почти представила себе, что все они – мои друзья. Друзья, которые пришли сюда, чтобы отметить мой день рождения. Музыка радостно играла. Лицо Даймонд появлялось и исчезало. Круг за кругом ее прохладная красота приближалась и отдалялась, пока музыка становилась все громче и пронзительней.

Смех вдруг прекратился. Даже мое собственное хихиканье застряло в горле, когда органная музыка приобрела гудящий, почти ленивый звук, от которого по спине побежали мурашки. Я вцепилась сильнее в гриву животного. Палочка выпала из рук и с треском потерялась в пустоте. Руби исчезла, как и все остальные дети. Теперь я одна ехала по кругу на своем единороге. И лишь Даймонд сидела на скамейке, наблюдая за мной. Круг за кругом.

– Даймонд! – испуганно крикнула я.

Она не отвечала, а улыбка словно приклеилась к ее лицу.

– Хватит! – попросила я, хватаясь за пластиковые поводья. Один раз, второй, третий. Кривая музыка затихла, и меня сдавила последовавшая за этим тишина. – Даймонд! Я хочу слезть! – панически кричала я, подняв свою ручку и протянув в сторону сестры.

Она и с места не сдвинулась. Даймонд лишь наклонила голову, смотря так, словно я была чем-то занимательным.

– Ты непременно хотела покататься на карусели и должна оставаться на ней, пока поездка не закончится.

Моя нижняя губа задрожала, а единорог продолжал подниматься и опускаться.

– Я уже хочу слезть! – крикнула я. По щекам стекали слезы.

Даймонд вздохнула, встала и подошла ко мне. Как только единорог оказался около нее, она вытащила меня из седла и осторожно посадила на черный пол. Сестра элегантно опустилась на корточки рядом со мной, чтобы наши глаза находились на одном уровне, и смахнула с моего лица соленые слезы.

– Не плачь, Ворриор, – мягко пожурила она меня. – Большие богини не плачут, когда чего-то боятся. А ты ведь хочешь стать богиней. Не так ли?

¹ Принцесса Лилифи (*нем.* Prinzessin Lillifee) – это немецкий мультфильм 2009 года выпуска, на основе которого выпускаются самые разные игрушки и аксессуары, а также предметы мебели для детских комнат.

Я шмыгнула носом. Единорог бесшумно исчез в темноте, и я смотрела ему вслед с округлившимися от ужаса глазами. И все же кивнула. Да! Я хотела стать богиней, как мамочка. Или принцессой фей. Я еще не совсем определилась. Пальцы Даймонд в последний раз погладили меня по щеке, прежде чем обхватить мои руки. Я, шмыгая носом, сжала их. Это был наш секретный знак: так мы говорили, что любим друг друга. Три раза крепко сжать. Даймонд сжала мои руки. Один раз. Я улыбнулась. Второй раз. Хватка стала неприятно крепкой. Моя улыбка исчезла. Третий раз. Она так сильно обхватила мои ладони, что костяшки хрустнули. Я взвизгнула, желая вырвать руки, но хватка Даймонд была непоколебимой.

– Посмотри на меня! – строго скомандовала светловолосая красавица.

Я снова попыталась высвободить свои руки, потому что Даймонд начинала пугать не меньше чем карусель с единорогами.

– Ворриор, – сказала она, заставляя меня посмотреть в ее лицо. – Ты должна перестать быть ребенком! – отругала меня она. Ее ногти впились в мою кожу, и я закричала.

– Мне больно! – взывала я.

– Жизнь всегда причиняет боль, – холодно ответила мне Даймонд. – Ты должна наконец смириться с тем, кто ты такая.

– Я же уже смирилась! – простонала я. Боль в руке пульсировала с каждым ударом сердца. Мои локти онемели.

– Нет, не смирилась. Вопрос состоит в том, для кого ты хочешь быть богиней: для себя или для него, – она кивнула, повернув голову направо.

Я подняла взгляд, смотря вперед сквозь мокрые ресницы, и у меня перехватило дыхание. На одном из радужных единорогов сидел Пиас. С харизмой хищника, который выглядел совсем не счастливым, катаясь на ярком пони. Его бездушные глаза сияли снежным холодом. Синие волосы почти доходили до плеч, а прямая морщина разделяла высокомерно нахмуренный лоб на две части.

– Что происходит, Ворриор? Почему ты затащила меня в свои сны? Тебе надо отдохнуть.

– Только посмотри на него! – сказала мне Даймонд. – Ты ему покорилась. Почти без сопротивления. Хочешь ли ты быть такой женщиной? Прирученной и держащейся на коротком поводке, чтобы соответствовать его ожиданиям?

– Я не покорялась ему, – тут же возразила я.

И тем не менее было трудно оторвать взгляд от синевласого бога, который, в свою очередь, смотрел на нас. Все во мне хотело побежать к нему, зарыться в его объятия, разделить холод и поделиться теплом. Я хотела чувствовать его губы на своей коже. Его тонкие пальцы, которые гладили меня по шее. Я хотела... хотела... его. Каждой клеточкой тела.

– Он тебя просто использует, Ворриор, – прошептала Даймонд. Слова пронзили мою грудь иголками.

– Ничего подобного! Мы – две половинки одного целого! – прошипела я.

Даймонд уставилась на меня.

– Подумай еще раз. Он разве хотел тебя? Такой, как ты есть. Разве стал делиться своим телом и душой так, как это принято у половинок?

– Я... – мое дыхание снова перехватило. – Он этого совсем не может. У него нет души, – уверенно объяснила я.

Даймонд весело фыркнула.

– Хотя сама-то себе не ври. Он заметил тебя лишь тогда, когда узнал о твоих силах и оценил твою полезность! – неодобрительно ответила она. – Ему нужно было лишь прошептать тебе несколько приятных слов, прикоснуться к тебе пару раз, и ты безвольно растаяла в его руках. Пойми уже это, Ворриор. Он использует тебя. Это в его природе. Как и у его отца Зевса. Он играет в шахматы. А ты – лишь одна из его пешек.

– Нет! Нет, потому что он умрет, если умру я. Он нуждается во мне. Помогать ему – единственно верное решение! – я снова попыталась высвободиться из хватки сестры, но Даймонд держала меня очень крепко. Ее ногти, словно ножи, разрезали мою бледную кожу. Я захныкала, когда потекли капли крови. Сладкие, серебряные, бессмертные.

– Этот вопрос не обсуждается, – резко упрекнула меня сестра. – Речь идет о ваших ролях. Можешь убеждать себя в чем угодно. Однако, если продолжишь быть влюбленным щеночком, это плохо для тебя закончится. Ты богиня хаоса, и намного могущественнее его. С ним мир падет, потому-то им движут ненависть и месть. Отсутствие души и темнота внутри поедает его разум. Зевс прекрасно знал, что делал. Но с тобой... Ты у руля смогла бы сделать мир чем-то невероятным. Только подумай об этом. Рано или поздно тебе придется понять: либо съешь ты, либо съедят тебя, – с этими словами она, наконец, отпустила меня и выпрямилась. Сестра вдруг снова нежно поправила съехавшую корону. Ее пальцы остались на моем подбородке и мягко его подняли. – Ты богиня, Ворриор. Прими это.

Она повернулась и ушла прочь, оставляя меня наедине с Пиасом, который смотрел на элегантную спину сестры прищурившись.

– Она пытается манипулировать тобой, – трезво прокомментировал он. – Один из старых богов, должно быть, нашел дорогу в твои сны. Мы должны будем что-то с этим сделать, – его взгляд переметнулся ко мне. В его красивых чертах виднелась мягкость. – Не слушай ее! – хриплым голосом прошептал он. – Я твоя половинка. И никогда бы так не поступил. Я твой, а ты – моя. Навсегда... навсегда... навсегда... навсегда...

Я задыхалась. В короткие секунды полной дезориентации, когда мне еще казалось, что еду на радужном единороге, я поняла три вещи:

1. Я сияю ярко, будто звезда.
2. Я парю на расстоянии метра над кроватью.
3. Кто-то громко стучит в дверь и тем самым серьезно действует мне на нервы.

– Госпожа Ворриор? Все в порядке?!

У меня были сложности с тем, чтобы определить, кому принадлежит этот рычащий и глубокий голос. Но, когда он сердито рявкнул, а массивное тело врезалось в дверь, я наконец-то определила владельца голоса. Бладклоу. Я посмотрела на нее, беспомощно паря в воздухе. Потом взгляд упал на отражение в окнах. Я светилась так ярко, что ослепляла сама себя. Светлые распущенные волосы колыхались вокруг, будто я находилась под водой, а в нос ударил такой сильный запах роз, что стало плохо. Я вяло двигала руками. И как мне отсюда спуститься?

– Госпожа Ворриор? – залаял пес.

Я открыла рот в желании позвать на помощь, но слова забивали горло, и получилось издать лишь беспомощный хрип. Тем временем, я парила уже так высоко, что могла дотронуться до потолка. И несмотря на суетливые попытки остановить свой подъем, тело упрямо плыло вверх, пока нос не познакомился со штукатуркой. Я со стоном уже хотела оттолкнуться от нее, но в тот момент слишком быстро для моего мозга произошли сразу две вещи: послышался громкий грохот расколовшейся двери, и адская гончая ворвалась в комнату, ошестинив от волнения свой черный мех.

– Госпожа? – неверяще пролаял пес, когда, наконец, направил на меня свои фиолетовые глаза и увидел, как я барахтаюсь в воздухе, размахивая ногами. – Что вы делаете наверху? – удивленно спросил он.

Я собиралась ответить какой-нибудь колкостью, но поняла, что сопротивление между моим телом и стеной неумолимо нарастало безо всякого предупреждения. Как будто кто-то натянул резиновую ленту, которая вот-вот разорвется. Я почувствовала покалывание на коже. В следующее мгновение я прорвалась сквозь потолок. Просто так. Как какой-то чертов призрак!

– Госпожа Ворриор! – Бладклоу подпрыгнул.

Его зубы щелкнули рядом с рукавом моей ночнушки. К сожалению, все мимо. Я безумно махала руками, потеряв пса из поля зрения. В это мгновение я видела лишь темную сталь, бетон и нити магии, скреплявшие конструкцию, словно клей. Мысли метались в неизвестном направлении. Что здесь происходит? Почему я это делала? Моя магия жужжала, наполняя клетки тела до предела. Как будто я была рекой, в которой прорвалась дамба, позволяя воде залить все вокруг. Богиня во мне, кажется, взбесилась. Но почему? Все выглядело так, будто она что-то искала.

Я выдохнула от облегчения, когда стена наконец осталась позади и я оказалась на полу какого-то офиса. В комнате была целая куча письменных столов с продвинутыми компьютерами. Тут присутствовали также несколько богов, которые, не веря своим глазам, наблюдали за тем, как я прорвалась сквозь пол рядом с копировальной машиной. Их присутствие заполняло комнату. Дикий, сладкий и бессмертный запах молодости исходил от них, хотя один из богов явно выделялся. Темный хвостик Хака с красными кончиками отлетел в сторону, когда он уставился на меня взглядом, полным шока. Я взяла курс на следующий потолок, но столкнулась с одним из компьютеров и опрокинула какую-то бумажную ерунду на пол.

– Пресвятые причиндалы Аида! Что это такое? – спросил кто-то из них с недоверием в голосе. Какая-то богиня завизжала так, будто я была тараканом, который вылез из-под ее бутерброда.

– В-ворриор? – заикался Хак.

Лампочки и кабели на его лбу судорожно замигали, когда он вскочил на ноги, отчего стул с грохотом упал на пол.

– Что ты там делаешь? Что случилось?

Я беспомощно махала руками и открывала рот, пытаясь насильно продавить слова, но не могла издать ни звука. Ни писка. Мое тело все еще бастовало.

– Ворриор! погоди! Я за Пиасом! – сказал молодой бог, наконец поняв мои страдания. По крайней мере, я надеялась, что он их понял. Я благодарно кивнула и исчезла в следующем потолке. Это снова вызвало у меня волну мурашек по коже.

В этот раз я прорвалась в следующую комнату кверху задом. Послышались, как и прежде, удивленные визги. Ну спасибо, конечно. Может, мне стоит похудеть?

Что-то сломалось, и непонятная клейкая жидкость потекла по ногам. Когда я все-таки заставила голову вылезти из пола, то увидела перед собой оцепеневшего Чарминга. И... о нет! Я панически зажмурилась. Я никогда не должна была этого видеть! Никогда! Никогда! Никогда! Возможно, у меня теперь будет рак глаз! Бог был совершенно голым и, казалось, устроил необычную вечеринку. В пещере похоти висел тяжелый запах амброзии и ладана, вокруг скакала куча женщин и мужчин и... не знаю, что там было на Чарминге. Он что, ласкал растение? Это меня потрясло. Тут было много обнаженной кожи и алкоголя, и после тусовки ее участникам, думаю, стоило бы посетить психиатра.

Я никогда не смогу выбросить эти воспоминания из своей головы. Послышался накуренный хохот, и я осмелилась все-таки открыть глаза. Чарминг, в шелковых простынях, извивался в своей полной... назовем это «божественной силой». Вонявшая амброзией сигарета свисала с его губ, когда он выпустил в мою сторону поток желтоватого дыма. У меня тут же закружилась голова. Бог казался настолько накуренным, что мог взлететь со мной в любой момент.

– Уи-и-и, Ворриор летит! – пробормотал он. Улыбка стала еще шире. Макияж весь поплыл, а волосы растрепались.

На его светлой коже проступил пот, который пах так же притягательно, как моя пахнущая розами задница.

– Напиши мне в WhatsApp, когда долетишь, милая, – прошептал он.

Собрав все свои силы в кулак, я подняла правую руку и показала ему средний палец, прежде чем добраться до следующего потолка. Люстра, прикрепленная к нему, качнулась и загремела, когда я проскользнула рядом с ней. Накуренный смех Чарминга еще некоторое время долетал до меня через стену. Я ожидала худшего, когда оказалась на следующем этаже, но в этот раз очутилась всего лишь в слабо освещенном коридоре, в конце которого находилась стальная дверь со светящейся зеленой табличкой «Выход». Облегчение от того, что мне не пришлось удивлять своим появлением Бизара, сидящего на унитазе, было недолгим, потому что дверь в конце коридора, очевидно, вела на крышу небоскреба. Горло сжалось в панике. Я улечу в небо Тартара! И буду находиться на головокружительной высоте, не имея возможности остановить падение! Если, конечно, тело не решит сделать перерыв. Своим крыльям я в настоящий момент не очень-то доверяла. Я болтала руками и ногами, пытаюсь вспомнить дни обучения плаванию, когда овладела кролем. Правда, должна признаться, тогда я скорее тонула, чем плыла. Не ко всему на свете у меня был талант. Плавание, например, явно не было моей сильной стороной. Пока я извивалась, то скорее напоминала хромую лягушку, которая все время билась головой о потолок. Сейчас же повернулась на 180 градусов и ногами вперед поплыла к двери. Светлые волосы невесомо болтались вокруг бесполезного тела. Одна прядь щекотала нос, пытаюсь спрятаться в ноздре. Громко чихая, я еле услышала беспокойный голос, отразившийся от голых стен.

– Ворриор!

Пиас! Наконец-то! Настало время надеть рыцарские доспехи и броситься мне на помощь! Я в панике подняла глаза и увидела синеволосую голову, бегущую по лестнице. И именно в этот момент вылетела на улицу.

Испуганное лицо Пиаса последовало за мной.

– Ворриор! – донесся его приглушенный голос из-за двери. Я стонала, выплевывала волосы и подумывала о том, не оставить ли слюнявые следы, чтобы в случае чего Пиас мог меня по ним выследить. Ну, вместо хлебных крошек. Но нет. Он же был моим суженым, так что я придержала свои слюни. Пиас всегда меня найдет. Мне даже не стоит прибегать к таким мерзким методам.

– Ворриор! Немедленно прекрати лететь и возвращайся сюда! – прорычал он.

Ух, ну что за шутник!

Он нажал на дверную ручку, но дверь не двигалась, несмотря на тряску, в то время как я летела над крышей в крошечной тьме. Все ближе к бездне.

– Ворриор! А ну прекрати это... что бы ты там ни делала!

Он что, издевается? Я сердито посмотрела в его сторону, хотя он и не мог меня видеть.

Казалось, Пиас терял терпение, потому что до меня донесся громкий грохот от попыток сорвать петли. По крайней мере, я думала, что он это делал, так как дверь со скрипом закачалась.

– Черт возьми! Дерьмо! – слышала я проклятия Пиаса, прежде чем предательский запах озона ударил в нос. Небо загрохотало. В следующую секунду дверь была сорвана с петель яркой молнией и полетела вперед. К сожалению, прямо в моем направлении.

Я округлила глаза от страха. Следующим, что почувствовала, было столкновение, сопровождаемое потоком моей серебряной крови, хлынувшей из носа и рта. Жесткий удар совершенно сбил меня с толку. Сразу после этого я почувствовала резкую боль от того, что шейные позвонки треснули. Я поморщилась, проглотив серебряную жидкость, и посмотрела вниз на Пиаса. Бог подошел к краю крыши и протянул руку в мою сторону. К сожалению, я была уже слишком далеко, чтобы меня спасла эта суперпоздняя спасительная акция.

– Ворриор! Спокойно! Я... я тебя достану. Не улетай слишком далеко, – крикнул Пиас.

Мне пришлось потрудиться, чтобы подавить в себе желание показать средний палец еще и ему. Мы уставились друг на друга. Воздух между нами был полон подавленного страха, вины

и упреков, так что волосы на руках встали дыбом. Пиас тяжело сглотнул. Ветер растрепал его волосы, а тело напряглось так, будто он готовился перепрыгнуть через парапет. Небо засветилось синими молниями. Тени разрезали лицо Пиаса на две части. Его глаз наполовину зажил, но выглядел болезненно. Ну и хорошо. Или не очень, не знаю. Вдруг он повернулся на каблучках и исчез в коридоре.

Шаги были слишком громкими. За ними последовали царапавшие пол собачьи когти. Значит, Бладклоу ему помогал. Хоть какая-то надежда! Адский пес унюхает меня, где бы я ни оказалась. К счастью, я не впервые улетала из этой части города.

Пока резкий ветер трепал мою одежду, я пыталась сориентироваться в пространстве. По свету, мерцающему в промышленном здании, я узнала клуб Чарминга, «Дарк Вандерлэнд», который отбрасывал цветные тени на небо. За ним стояли развалины небоскреба, который разрушил Василиск. Но то, что находилось на шаг позади, было для меня совершенно неизвестным миром. А жаль, учитывая, сколько времени я провела здесь внизу. Пиас безупречным образом отрезал меня от остального мира богов. Ну, зато теперь все изменится. Я светилась так ярко, что даже слепой без проблем увидит в небе. Несмотря на темноту, тут и там можно было различить любопытные пары глаз, наблюдающие за мной. Чем дальше я углублялась в город, чем более разные эмоции и волны власти чувствовала, тем более странными и дикими становились собственные ощущения. Как будто жизнь Тартара начиналась лишь где-то там.

Некоторые вибрации я даже не воспринимала как присутствие богов. Другие же заставляли мою кожу покрыться мурашками. Третий тип ощущений я не могла соотнести ни с чем. Огромное количество новых эмоций штурмовало разум, и я почувствовала головокружение, а тело стало мерцать. Оно как будто по-прежнему понимало, куда хотело лететь, даже если шаталось, словно пьяное, но курс оставался прежним: в глубь темного сердца Тартара. А может, из него? Я однозначно потеряла ориентацию.

Левым плечом проехала по стеклянным окнам небоскреба. Повернула голову и заметила удивленное лицо пухлой богини. Она сидела в своей гостиной на диване, скрестив ноги, и, обернувшись в голубой плед, читала книгу. Интерьер напоминал обычную квартиру, это, конечно же, имело смысл, если учитывать, что хоть какие-то боги должны жить *нормально*. И все же картина встревожила меня. Она будто была из жизни, которая сюда не вписывалась. Это же Тартар, тюрьма.

Наши взгляды ненадолго встретились. Ее карие глаза, как у Бэмби, становились все шире, а мое собственное тело ярко отражалось в окне. Как только я пронеслась мимо, она встала с дивана и бросилась ко мне. Я услышала щелчок, когда она трясущимися пальцами открыла одно из стеклянных окон, и тяжелая рама распахнулась внутрь. Наружу высунулась ее голова со светлыми кудрями до плеч.

– Э-эй, с тобой все в порядке? – ее голос был высоким и звонким. В мою сторону донесся сладкий запах. Я открыла рот, но сразу же сдалась, затем вздохнула и покачала головой. Юная богиня внимательно на меня посмотрела. Ее взгляд скользнул по моему телу, будто она видела что-то, что было скрыто от меня. На ее круглых щеках образовались красные пятна.

– Я... я думаю, что кто-то тебя заколдовал.

Я беспокойно округлила глаза.

– Н-не бойся! – сказала богиня, заикаясь, и непроизвольно улыбнулась. – Я последую за тобой. Ты не одна! – в это же мгновение она исчезла из поля зрения.

Я плыла дальше, прокладывая свой путь через темноту, и где-то внутри чувствовала, как Пиас ищет меня. Наша с ним связь тянула душу подобно тугой веревке, державшей нас вместе. Я ухватилась за нее и мысленно потащила к себе. Он последовал за ней, словно ищейка, взявшая след. Очень хорошо. По крайней мере, он был в пути. Напряжение в шее отступило, когда я услышала чей-то зов. Мой взгляд упал вниз на улицу.

– Эй! Все в порядке? Дыши глубоко! Я думаю, тебя тянет в сторону идиотского треугольника!

Блондинка! Она стояла подо мной, запрокинув голову, и кричала. Идиотское что?.. Сбитая с толку, я смотрела на пухленькую богиню, которая с трудом засунула руки в короткую куртку, а затем, прыгая, пыталась завязать свои шнурки. Ее короткие ножки едва позволяли бежать вслед за мной. Почему она это делала? Почему следовала за незнакомкой, которая, словно сумасшедшая, проплыла в небе мимо ее окна? Я бы явно не стала так поступать. Такое же просто так не делают, правда? Однако, честно сказать, я чувствовала облегчение от того, что была не одна. Теперь я летела по Тартару, не чувствуя такую беспомощность. Даже если моя помощь только что столкнулась с мусорным баком и поскользнулась на чем-то жидком. Я почти засмеялась, особенно когда юная богиня со стоном оттирала что-то со своей задницы. Девушка посмотрела на меня и покраснела.

– Там была какая-то... Тут темно! – заикалась она.

Уголки моих губ дрогнули, и я резко повернулась. Если раньше мне казалось, что на улицах, которые я освещала лишь собой, было темно, то теперь меня охватило совершенно новое измерение. Правда, и запах тут тоже изменился. Здесь пахло влажностью и старостью, а также камнями и темной магией. Пульсирующая жизнь улиц превратилась в тишину, стала осторожнее и в то же время неотесанней. Как стая собак, предупредительно оскалившая зубы. Несколько огоньков освещали мне путь, а здания были полуразрушенными, будто я оказалась в какой-то антиутопии. Те, кто здесь жил, были однозначно небогаты. Мои ноги задели антенну полуразрушенной вышки, и желудок сделал сальто. В ушах что-то затрещало, а задница превратилась в метеорит, камнем падающий с неба. Без предупреждения. Пуфф! Свет вокруг меня мерцал, словно сломанная лампочка. Волосы бились о лицо, ветер трепал кожу и одежду, а я в ужасе смотрела в бездну и визжала. Земля была близко. Слишком близко. Мэйдэй!² Капитан, у нас проблема! В отчаянии я раскрыла свои крылья, почувствовала, как прорываются перья, и стала судорожно ими махать. Слишком поздно: я со всей силой ударилась о бетонный пол.

Пыль и куски асфальта летели мимо меня. Правое крыло согнулось, и я застонала. Закружилась голова. Как и день назад – или уже два? – мое тело продолжало противостоять законам природы. Я осталась невредимой. По крайней мере, никакие кости и прочая анатомическая ерунда из меня не торчали. Я не плевалась кровью или своей же печенью, что казалось хорошим знаком. Подо мной хрустели осколки бетона, гвоздями впивавшиеся в спину.

– Она в сознании? – чей-то высокий голос заставил меня растерянно осмотреться.

Вокруг клубилась пыль, и несколько оборванных перьев падали на землю. Я лежала в яме, которую образовало тело при падении, окруженная лишь смутными тенями. Я, правда, подозревала, что оказалась на чьем-то заднем дворе. Ряды домов простирались передо мной, устремляясь ввысь. Прямо как тени двух людей, которые стояли в отдалении и настороженно держали дистанцию. От их пристальных взглядов у меня мурашки по спине побежали. Я со стоном уселась, пытаюсь остановить головокружительную карусель в своей голове.

– Она проснулась! – снова завизжал женский голос. – Сделай хоть что-нибудь, Вирус! Я больше не могу держать заклинание левитации, это чертовски сложно!

– Не нервнирай меня, Карма! Дай мне хоть осмотреть ее, – ответила вторая тень глубоким и раздраженным голосом. Оба были примерно одного роста, но плечи второй тени, более широкие, однозначно принадлежали мужчине. Он скрестил руки на груди, пока высокий голос, ака тень номер один, стучала каблуками по разрушенному асфальту. Резкий звук выдавал нервозность.

² Mayday (Сигнал бедствия) – международно признанное средство запроса помощи. Сигнал бедствия сообщает, что человеку, группе людей или транспортному средству угрожает смертельная опасность и требуется срочное оказание помощи.

– Не надо тебе ее осматривать. Все будет нормально. Заклинание только ненадолго изменило ее тело. Еще две минуты, и она будет как прежде. А теперь пойдём! – простонала она. – Ты разве не слышал, что случилось с Шейм? Цыпочка совсем с ума сошла. Бери ее, и уходим. Если Пиас увидит ее с нами, мы в заднице.

– Заткнись! Я знаю, что делаю, и в состоянии желе она нам никак не поможет, – прошипел мистер Темный Голос. Как его назвала та женщина? Вирус? Это мне ни о чем не говорило. Кроме того, звучало это по-идиотски. Как какое-то венерическое заболевание. Ой, у тебя тоже вирус? Жжет ужасно, не так ли?

Я захрипела и закашлялась, что заставило их вздрогнуть.

– Поторопись!

Вирус зарычал и выругался, подходя ко мне. Я подняла взгляд. По крайней мере, попыталась. Из-под своих опухших век я видела светлую кожу и угловатое лицо, наклонившееся в мою сторону. Еще несколько секунд прошло, прежде чем смогла сфокусировать свой взгляд, чтобы лучше его разглядеть. Как ни странно, первыми заметила его волосы. Они были насыщенного темно-зеленого цвета, похожего на лесной мох. Странно. Ряд маленьких проводов и лампочек пробежал по половине его лба и острым скулам. Все эти технические штуки были похожи на то, что я видела у Хака, но у венерического заболевания... вернее, у Вируса, они выглядели агрессивнее. Металл почти насильно впивался в его кожу и вылезал с другой стороны. Я зачарованно смотрела на него. Цвет глаз был как у желтоглазой кошки. Золотой и яркий. Коварный и голодный.

Вирус тоже на меня смотрел. Взгляд скользил по моей коже почти с ощутимой интенсивностью. Он видел маску на моем лице и длинные золотистые волосы, разметавшиеся по полу. Его завораживающие глаза поглощали каждый сантиметр, который попадал в поле зрения. Он дерзко погладил кончики моих крыльев.

– Просто невероятно! – пробормотал он, как мне показалось.

Очевидно, я больше не была в состоянии желе, потому что его рука соприкасалась с моими крыльями. Краем глаза я наблюдала за тем, как перья снова становились плотными. Что это было за странное заклинание?

Я вздрогнула и отшатнулась от него. Прикосновение было болезненным, будто иголки пронзали кожу.

– Эй! Эй, что вы там делаете? – третий голос прервал тишину.

Вирус сразу же поднял взгляд, и ко мне наконец вернулась возможность нормально дышать. Его спутница пробормотала что-то презрительное, когда пухлая богиня, запыхавшаяся, как старый паровоз, появилась из-за угла. Она, должно быть, несколько раз спотыкалась, потому что ее симпатичные щеки были испещрены ранами, а по коленям, кажется, текла кровь. Она, задыхаясь, бежала к нам, с измученным лицом держась за свой левый бок.

– Господи боже! – ее щеки стали красными. – Не надо было мне бросать зумбу, я уже думала, что не догоню тебя! – она посмотрела сначала на меня, а затем на двоих рядом со мной.

– Карма, Вирус! – удивленно фыркнула она. Удивление было явно не позитивным.

На последнем имени ее голос слегка скакнул вверх, что она попыталась прикрыть кривой улыбкой. Она остановилась.

– И что вы здесь делаете? – ее курносый нос нервно поморщился.

– Исчезни, Фоун! Ты мешаешь! – пробормотал Вирус, прочистив горло и тем самым заставив провода на лбу нервно вспыхнуть.

– Двигай своей толстой задницей, Фоун! Тебе здесь делать нечего! – прорычала его спутница.

– Ой... эм... но... – маленькая богиня с красивым именем нервно засмеялась и пронзительно пискнула: – Это... эм-м... моя подруга! У нее некоторые сложности с навигацией. Обычно такое случается, когда она смешивает амброзию с «Ред Буллом». Я всегда ей говорила,

что стоит бросить эту привычку, но... да уж... она зависима от кофеина, да и вообще недалекая. Только хотела ее домой отвести! Мы... эм... уже опаздываем на... эм... в-вечеринку!

Недалекая? Я возмущенно посмотрела на нее. Возможно, она была права, но мое эго все равно недовольно ворчало.

Вирус прищурил свои яркие глаза и медленно выпрямился. Я увидела его длинные ноги в узких темных джинсах и потертых черных ботинках.

– А ну свали! Сейчас же, – сказал он коротко, но таким угрожающим тоном, что Фоун округлила глаза от страха. Она побледнела и резко обратила взгляд на меня.

Ее полная нижняя губа затряслась.

– Свалю, но только с ней. Кроме того, заклинания разжижения запрещены. Они опасны! Только представьте, если бы она утратила всю свою структуру! – отругала она Карму, которая в ответ лишь пожала плечами.

– Риск того стоил.

Мое удивление только нарастало. Почему Фоун делает это? Она меня даже не знала. Вирус, словно думая то же самое, засмеялся. Нетрудно было расслышать в смехе сарказм. Он наклонил голову набок и презрительно посмотрел на богиню.

– Ты хоть знаешь вообще, кто эта твоя так называемая подруга, Фоуни?

Фоун стала колебаться и облизнула губу.

– Она... это... вообще-то... мы друг друга совсем недолго знаем! – с трудом выдавила Фоун.

Именно так. Примерно три минуты.

– Но она со мной! – смело заявила богиня, решительно глядя на Вируса.

Тот ухмыльнулся, а девушка рядом с ним стала раздражающе хихикать. Она немного напомнила мне одну из моих сестер.

– Она точно не с тобой! – ответил Вирус. – Она с отцом богов. Это Ворриор Пандемос. Новая мать богов.

Выражение лица Фоун тут же изменилось. Она смотрела на меня, но уже не с этим милым и беспокойным выражением, а так, будто серьезно испугалась. Вирус тоже изучал меня, но с голодом в глазах, от которого мой желудок сжался. Я почувствовала на коже покалывание, как от внезапного прилива энергии. Что-то во мне среагировало на него. Этому «чему-то» я ударила сковородкой по голове. Что за химия у меня вечно происходит с парнями, которые меня похищают? Это какой-то фетиш?

– Она птица совершенно не твоего полета, Фоуни, – промурлыкал Вирус. – Сделай всем нам одолжение, вернись в свою квартиру и забудь обо всем, что ты видела. Мы позаботимся о Ворриор.

– Это... Это плохая идея! Вам не стоит вмешиваться! – сказала Фоун. – Пиас всех с землей сровняет, когда заметит, что она пропала.

Он уже заметил, подумала я. Только вот момента сравнения с землей придется пока подождать.

– Это и есть наш план! – торжествуя сообщила подружка Вируса.

– Карма! – резко рявкнул он.

Девка подошла ко мне так близко, что тень с ее лица ушла, и я наконец смогла ее рассмотреть. Я нервно застонала. В дополнение к жуткому фальцету и кислотному смеху она еще и выглядела как порнозвезда. Длинные черные волосы, полные губы и грудь, которой можно было кого-нибудь убить. Какой у нее вообще размер? Z?

Карма заметила, что я плююсь, и ухмыльнулась.

– Я этого не понимаю! – прошептала она, вяло проводя рукой по плечам Вируса. – Это та самая малышка, из-за которой столько хлопот? Выглядит как вшивая собачка.

Вшивая? Собачка? Я? Собрав всю оставшуюся энергию, я сердито на нее посмотрела. Ну да, после всего, через что мне пришлось пройти в последние дни, я не была похожа на человека, только что покинувшего съемочную площадку фильма «Божественный влажный отсос».

Все трое обратили на меня взгляды, которые мне не понравились. Правда, Фоун выглядела так, словно не могла решить, помочь или же лучше убежать прочь с криками. Я бы на ее месте однозначно выбрала крики. Это была бы более здоровая реакция.

– По крайней мере, она хотя бы тихая, – пробормотал Вирус. Он снова опустился на корточки, убрав с себя руки ПорноКармы.

Вирус схватил меня за лицо. Большой, указательный и средний пальцы впились в щеки, заставляя меня поднять взгляд.

Карма фыркнула.

– Может быть, она немая? Или тупая?

Я снова застонала.

Зубы Вируса сверкнули, когда он улыбнулся.

– Бред! – его дыхание коснулось моих губ. Он пах перечной мятой. Я хотела отвернуться, но он не отпускал. Тепло его кожи прожигало мою челюсть. – Она не тупая. Только посмотри в ее глаза. Что-то тут не так. Неужто Пиас сломал свою игрушку? Или он просто так жестко трахает, что у тебя больше не осталось голоса? – усмехнулся он.

Я стиснула зубы, а затем изо всех сил плюнула ему в лицо и с наслаждением наблюдала за тем, как слюна стекала по его щеке. Он замер, подняв одну бровь.

Порнобогиня завизжала.

– Ты мелкая дрянь! – она бросилась ко мне с трясущимися грудями и, видимо, хотела ударить. Может быть, даже своими сиськами.

Однако Вирус с такой силой оттолкнул ее, что она споткнулась на своих каблуках и чуть не упала, но смогла ухватиться за Фоун, которая смотрела на богиню так, будто на плечо приземлилось что-то мерзкое.

– Что это за дерьмо, Ви? Она плюнула тебе в лицо! – прошипела Карма.

– Именно так.

Вируса это как будто... позабавило? Так и было. Глаза весело светились, когда он выпрямился и вытер щеку рукавом куртки.

– И хорошо. Люблю дерзких, – он так по-извращенски улыбнулся, что я невольно покраснела. Этот мерзкий, мелкий...

К сожалению, тело реагировало на этого навозного жука совсем иначе. Вскоре кожа стала светиться ярче, а крылья затряслись, когда Вирус вдруг сам начал светиться. Так ярко, что я слышала электрический ток, проходящий по его телу. Мои волосы встали дыбом, а дыхание сдавленно свистело в легких.

Что бы Вирус ни затевал, мне с трудом верилось, что это закончится пижамной вечеринкой, на которой мы будем заплетать друг другу косички и размышлять о том, кто из One Direction самый горячий. Мэддокс всегда был в команде Стайлза. Вирус не очень походил на фаната One Direction. Или в целом на фаната хоть чего-то. Только, разве что, на фаната бондажа.

Где был Пиас? Что за похожая на «Сумеречную зону» ерунда тут происходит? Я медленно начала паниковать. Чувствовала мурашки на коже и то, как напрягся мочевой пузырь. Но если мы продолжим стоять здесь и болтать, Пиас наверняка найдет меня вовремя.

– Нам надо сваливать, пока не пришел Пиас!

Ух ты, оказывается, ПорноКарма умела смотреть в будущее дальше своих сосков.

Вирус кивнул и щелкнул пальцем, в его руках вдруг оказались длинные железные цепи и наручники. Черт. Где-то я такие уже видела. Меня охватило мерзкое чувство дежавю. Я ведь уже говорила слово «бондаж»?

Фоун уставилась на цепи, словно они были оружием, которым Вирус собрался нас избивать.

– Куда ты ее заберешь? – визгливо спросила она.

– Да, куда? – хотелось бы мне присоединиться к ее визгу.

– В последний раз тебе говорю. Свали отсюда, Фоун, или я заберу тебя с собой! – зарычал Вирус, грубо хватая меня и заставляя встать на ноги.

Крылья слабо дрогнули. От его прикосновения кожа завибрировала так, будто он пустил по моим венам порцию электричества. Я открыла рот, чтобы... ну, не знаю, еще раз плюнуть? Похрипеть? Показать ему, как круто я умею подражать карпу кои? Но Вирус был слишком быстр. Прежде чем я успела оказать сопротивление, на правом запястье уже оказался один наручник. Я почувствовала, как что-то зафиксировалось, и по руке пронеслась вспышка магии. Затем увидела второй наручник, и мои пальцы онемели. Я молча выругалась. Мне было так больно, будто я упала в куст крапивы.

– Ой! – вскрикнул Вирус, что вызвало бы у меня к нему симпатию, если бы он не... если бы он не заковывал меня в цепи.

Я злобно посмотрела на него, чувствуя, как лицо меня не слушается. Что, черт возьми, сейчас происходило? Второй наручник оказался на левом запястье Вируса. Сияющая синей магией цепь связала нас, словно поводок.

Фоун, казалось, соображала быстрее меня, потому что ее резкий вдох сразу же пробудил во мне тревогу.

– Ты не можешь это сделать, Вирус! – крикнула она ему.

– Но я уже сделал, – сухо ответил он, размахивая светящейся рукой.

Я сделала то же самое. Должно быть, это выглядело очень весело, учитывая, как по-идиотски смеялась ПорноКарма.

– Ты... Так нельзя! Это запрещено! – не очень-то помогала Фоун.

Мой пульс участился. Что? Что было запрещено? Заковывать меня в цепи? Однозначно. Но, видимо, здесь внизу это было чем-то вроде спорта.

Вирус улыбнулся.

– Это всего лишь подстраховка на случай, если Пиасу придет в голову тупая идея надрать мне задницу, – он потянул за цепь, как будто был хозяином, подзывавшим свою собаку. В этом случае собакой, к сожалению, была я.

Я решила поупрямиться и осталась сидеть. Вирус потянул сильнее, усложняя задачу. Его глаза прищурились.

– У тебя есть две опции, девочка. Ты или идешь со мной добровольно, или я тащу тебя по уличной грязи.

В качестве ответа он получил удар крылом по лицу. Ха! Жри перья, венерическая зараза!

Он действительно начал плевать и так зловеще посмотрел на меня, что по рукам побежали мурашки.

– Ну, как хочешь, – с этими словами он пошел вперед.

Я зарычала, откинулась назад и уперлась пятками в бетон, но бог был явно сильнее. Он грубо тянул меня вперед, и после недолгой игры в перетягивание каната я потеряла равновесие. Цепи между нами натянулись, и он действительно потащил меня по грязи.

Я бесшумно кричала, билась ногами и чувствовала, как руки выбиваются из суставов. Бетон рвал кожу, разрезал горящие раны на коленях, локтях и лице, которые заживали лишь для того, чтобы снова разорваться. Я умоляюще посмотрела на Фоун, которая беспомощно бежала вслед за нами. Почему она ничего не делала? Я не хочу показаться мелочной, но она могла бы уже выпустить свою богиню на мгновение и дать жару Вирусу вместо того, чтобы просто смотреть. Не может же она быть такой слабой!

Как будто тоже подумав об этом, Фоун встала перед Вирусом и угрожающе уперлась руками в бока. Девушка воинственно подняла подбородок.

– Отпусти ее, Вирус. Это просто безумие. Даже для тебя. Я не могу такого допустить.

Да! В душе я ей аплодировала. А в жизни выплевывала кусок своего резца.

Вирус засмеялся, и Карма присоединилась к нему своим писклявым голосом.

– И что ты мне сделаешь, пухляш? – спросил он.

Пальцы Фоун нервно дернулись, а колени задрожали.

– Посадишь деревце и забросаешь нас грейпфрутами? – засюсюкала Карма.

– Для того чтобы разбить твой череп, хватит и мандарина, – надменно ответила Фоун.

Я зааплодировала усерднее.

Вирус, кажется, заметил мое веселье и резко повернулся к Карме:

– Займись ею! – скомандовал он. – Я тебя предупреждал, Фоун.

Я беспокойно посмотрела на Карму, чья улыбка стала такой широкой, что кожа на щеках должна была уже лопнуть. Ее острые, словно нож, зубы сверкнули в тусклом свете.

– Карма, – Фоун испуганно отшагнула назад, поднимая руки в защитном жесте. Запах свежескошенной травы и солнечного света наполнил воздух. Из ее пальцев выскочило несколько искр, которые упали и погасли на холодном полу, где тут же выросли маленькие ромашки.

– Как мило, – промурлыкала Карма. Она скрестила указательный и средний пальцы и хрустнула суставом.

Я вздрогнула от этого звука. Вирус, тем временем, потащил меня дальше по двору. Колени снова расцарапались.

Фоун отскочила с линии огня, когда Карма замахнулась и выпустила поток вонючего дыма. Она вздрогнула, потому что первый заряд задел ее, и быстро прикрыла рукавом нос и рот, кашляя и задыхаясь. Фоун окутывало все больше потоков дыма. Ее крики звенели у меня в ушах. Смех Кармы, наверное, будет преследовать меня в кошмарах.

– *Прекрати!* – кричала я внутри себя. Я открыла рот, пытаюсь выдать слова насильно. Хотела мобилизовать всю энергию и так надрать им задницы, чтобы этот день вошел в книги истории как интернациональный день надирания задниц, однако все, что смогла сделать, – бессильно потрепать цепи. Кожа отчаянно мерцала, а крылья трепетали, как у испуганного цыпленка. Когда я в очередной раз услышала крики Фоун, за которыми последовали звуки бульканья, меня охватила резкая волна тошноты и беспомощности. Что-то во мне порвалось. Я решила разыграть свой козырь, который на самом-то деле хотела пока что придержать, и чувствовала, как Василиск выжидающе покалывает кожу.

Если Мэдокса я защитить не смогла, то хотя бы Фоун защищу. Василиск заревел, спрыгнул с моей кожи и в полную высоту и длину встал перед порнобогиней.

Вирус замер, как и Карма, которая выпученными глазами смотрела на монстра, открывшего три своих рта.

– *Фас!* – мысленно скомандовала я, и зверь последовал немоу приказу. Он ринулся вперед, словно дрессированная собачка. Зубы щелкнули, схватили Карму за волосы и подняли вверх. Она закричала. Туман вился вокруг ее тела, как медленно поднимающийся ураган. Василиск испуганно пискнул и отпустил ее, а богиня упала на пол рядом с Фоун, которая отползала назад задыхаясь.

– Вирус, помоги мне! – завизжала Карма, когда Василиск снова принялся кусать ее и в этот раз добрался до ног.

Вирус колебался, размышляя над этим, пока проводки на его лбу быстро мигали. Он сердито посмотрел на меня.

– А ну отзови эту штуку обратно! Сейчас же!

Вместо ответа я показала ему язык. По-детски, но было приятно.

– Вирус! – визг Кармы заставил нас поднять глаза.

Половина богини торчала изо рта левой головы Василиска. Ее магия билась гневными волнами, а туман сочился из морды чудовища, с шипением разъедая уголки его рта, пока богиня, как рыба с сиськами, болталась в его зубах. Василиск изо всех сил старался проглотить столько грудей одним разом. Он снова и снова выплевывал ее. Либо Карма на вкус была действительно дерьмовой, либо сама была такой же ядовитой, как туман, который испускала.

Только Вирус собрался шагнуть в сторону подружки, как в сантиметре от нас в землю ударила сверкающая молния. Волосы встали дыбом, а воздух наполнился запахом озона и снега.

Вирус тут же отскочил в сторону и схватил меня. Я застонала, покотившись к его ногам. В месте, где мы только что стояли, зияла дымящаяся дыра.

– Кажется, ты забрал то, что принадлежит мне!

Никогда не слышала ничего более прекрасного. Я подняла голову, и облегчение от того, что Пиас сидел на стене внутреннего двора, вскружило мне голову. Я почти забыла немые упреки, его вину в смерти моего брата и дистанцию между нами, которая никогда не хотела исчезать. Все, что имело значение в этот момент, – он был здесь и, черт возьми, спасал меня от этого сумасшедшего.

Вокруг пальцев Пиаса шипели молнии. В глазах был такой глубокий холод, какого я прежде никогда не видела.

– Пиас! – Вирус почти радостно посмотрел на бога. Провода на его лбу замигали.

– Вирус, – ледяным тоном ответил Пиас. – Как я вижу, кроме тяжелой шизофрении, в тебе прогрессирует еще и компульсивная kleптомания, – его губы растянулись в безрадостной улыбке. – Было достаточно тупо с твоей стороны.

Я выглядела, наверное, слишком сбитой с толку, пока не поняла, что Пиас словом «клептомания» намекал на меня. Да уж, в таких ситуациях я не была Эйнштейном. Но что за шизофрения?

Ухмылка Вируса походила на волчий оскал. Ага, значит, у него чердак течет? Ну, не сказать, что меня это очень уж удивило, но...

Визг ПорноКармы снова отвлек нас от бросания друг в друга сердитых взглядов. Богиня слизистой кучей шлепнулась на пол перед нами с Вирусом. Ее черные волосы обвисли, и она измученно стонала.

Василиск оглушительно взревел, извиваясь, словно угорь. Его чешуйчатое жилистое тело скрутилось и содрогнулось. Я почувствовала легкую головную боль: он погибал. Вероятно, из-за тяжелого отравления Кармой.

Пиас нахмурил свой красивый лоб. Я почти слышала грохот в его голове. Он, казалось, оценивал ситуацию, а затем отвел взгляд от умирающего монстра и плавно выпрямился на выступе. Запах озона сопровождал яркую синюю молнию, которую он бросил в нашем направлении. Концентрированный заряд упал на землю и разбил бетон на куски, пролетевшие мимо. Вирус ловко увернулся, дернув нас двоих в сторону и тем самым заставив мой плечевой сустав болезненно щелкнуть.

– У тебя есть единственный шанс, Вирус, – спокойно сказал Пиас. – Отдай ее мне или...

– Или совсем ничего, Пиас. Засунь остаток предложения себе в задницу, – Вирус засмеялся.

От удивления желудок сжался, когда он обнял меня и, подняв на руки, прижал к себе, словно плюшевого мишку. Ноги болтались над его руками. Цепи, связывавшие нас, громко лязгнули, когда я быстро обхватила руками его шею. Мои крылья волочились по грязи. Я вдруг оказалась так близко к Вирусу, что его интенсивный запах мяты ударил в нос. Взгляд скользнул по его бледной коже, а затем по челюсти, которая напряглась, готовая к бою. Я посмотрела на слегка кривой нос и полные губы, а также на тонкие волосы на шее. Под моими пальцами они были мягкими, словно кошачья шерсть.

Тело снова отреагировало на него, прежде чем я смогла это предотвратить, и засветилось, будто у меня началась электрическая икота. Вирус тоже отреагировал, и наши запахи мяты и розы смешались, создавая уникальную смесь, которая была такой опьяняющей и в то же время такой неправильной, что я скорчилась в его руках. В поисках помощи я уставилась на Пиаса, чье выражение лица в это мгновение дало сбой.

– Что... – услышала я его шепот. Светлые серебряные глаза неверяще округлились, когда он разглядывал нас с богом.

Вирус довольно промурлыкал.

– Она на меня реагирует, – в его глазах виднелись тени. – Ты не сделал ее официальной женой, поэтому ее душа теоретически ни с кем не связана. Ваша связь может разорваться, и я позабочусь о том, чтобы она больше никогда не восстановилась. Ворриор будет матерью богов. Моей.

Что?

Я так резко оцепенела в хватке Вируса, что он чуть меня не уронил.

Молнии с безумной скоростью закружились вокруг Пиаса. Они жужжали, словно рой пчел, превращаясь в спутанную массу света и тьмы.

– А ну. Убери. Руки. От Ворриор! – прорычал он так, что земля задрожала.

Молния последовала за рычанием через весь Тартар.

Вирус пригнулся, когда Пиас бросился на него, и увернулся, когда ударила следующая молния. Я вдохнула пыль. Почувствовала, как осколки бетона разрывают кожу, и рефлекторно вцепилась в Вируса. Свое лицо спрятала на его груди, которая отчаянно поднималась и опускалась. Его руки впились в мою кожу. Последовали еще несколько молний, но, как бы близко они к нам ни подбирались, Вирус, казалось, предвидел каждый следующий шаг. Проводки на его голове работали на самых высоких оборотах. Он замечал каждое движение Пиаса, будто рассчитывал их в голове и реагировал на результат вычислений.

Пиас оскалил зубы. Запах озона отдавался горечью на моем языке, когда он пустил такую резкую вспышку, что вены на его руках загорелись серебром. Свет ослепил нас. В ушах свистело. Сердце Вируса под моей щекой будто остановилось. Его мышцы напряглись, и в следующую секунду он так быстро подпрыгнул ввысь, что мои волосы взлетели. Крылья затрещали от электричества Пиаса. Вирус повернулся в воздухе и, покачнувшись, приземлился на столбе электропередачи. Деревянный клин пошатнулся под нашим весом, а затем провода задрожали, и Пиас тоже катапультировался вверх. Ловко, как кошка, он приземлился на столбе напротив. Электричество в линиях ползло по проводам, словно змеи, и собиралось вокруг его тела, пока не осветило половину двора.

– Отдай мне Ворриор!

– А то что? – спровоцировал его Вирус. – Будешь швырять свои искорки, пока не попадешь в цель? Ты поджаришь нас обоих, ты что, совсем этого не понимаешь?

– Ворриор – моя суженая! – огрызнулся Пиас. – Молния может ее лишь пощекотать. Единственный, у кого лицо сразу превратится в стейк, – это ты!

Я окинула Вируса торжествующим взглядом, который должен был значить что-то вроде «Ха! Выкуси! Мой Пиас никогда не причинит мне боли!». Ну, по крайней мере, он причиняет ее не очень часто и не всегда сознательно. Господи.

Вирус насмешливо улыбнулся, поднимая цепь вместе со мной.

– Я об этом серьезно подумал, Пиасик! – просюсюкал он. – Помнишь эти цепи?

Челюсть Пиаса сжалась.

Не смотри! Он только хочет тебя отвлечь!

Пиас, разумеется, не слышал моего внутреннего визга, а лишь уставился на наручники и цепи, соединившие меня с Вирусом.

Я напряглась, полагая, что Вирус немедленно перейдет к атаке, но он терпеливо ждал, пока на лице Пиаса не отразится понимание. За ним последовал бездонный ужас, заставивший его взгляд стать холодным.

– Откуда они у тебя? – прошептал Пиас. Молнии вокруг него погасли, тьма снова накрыла нас, и отец богов предстал в виде тени.

Вирус зазвенел цепями.

– Круто, да? Я аж ностальгию почувствовал, когда откопал эти штуки. Так что? Будешь дальше играть?

Он с улыбкой впился пальцами в мою плоть, отчего я тихо и болезненно застонала.

Молнии Пиаса снова дрогнули и осветили его лицо, в котором я видела лишь панику.

Что это за странные цепи?

Пиас сглотнул, и его голос был хриплым, будто наждачная бумага.

– Они давно утратили свое действие. Они достигли своей цели. Чейн был последним.

Вирус зарычал.

– Даже не смей произносить его имя, Пиас Тантал! – провода на его голове замигали так быстро, что я в любое мгновение ожидала короткого замыкания. – Последний не он, а ты! – глаза Вируса так широко открылись, что в них совершенно очевидно отразилось все его безумие.

Тени, которые до этого призрачно мерцали в его зрачках, казалось, переместились в белок и вяло сочились оттуда, стекая по щекам, словно черные слезы. Крепкие, как смола, они склеивали уголки рта. Его кожа стала прозрачной, поэтому я могла видеть множество цепей и других проводов под ней.

– Пока ты и я живы, Тантал, эти цепи будут прокляты. Так что, если подойдешь слишком близко, придется убить не только меня, но и ее.

Я чувствовала себя совершенно подавленной. Мои мысли неслись в голове, отчаянно пытаюсь понять сказанное. О чем вообще шла речь? Что это были за цепи? Кто такой был этот Чейн? И в чем он был последним?

– Пиас! Вирус! Пожалуйста, не надо!

Все мы удивленно опустили взгляд. Снизу на нас смотрела Фоун. Она выглядела жутко. Ее лицо было грязным, а кудрявые волосы взъерошились во всех направлениях. Кажется, у нее что-то болело, потому что она стонала и держалась за живот. На ее губах сверкала серебряная кровь.

– Фоун, – пробормотал Пиас. – Ты-то что здесь делаешь?

Она неуверенно улыбнулась.

– Я тоже рада тебя видеть... кузен.

Погодите. Что?

Глава 4

Мы отправим тебе приглашение на нашу свадьбу

Как много я отдала бы за то, чтобы начать говорить или быть способной сделать хоть что-то, только бы не лежать на руках Вируса в режиме картошки и раздумьях о том, что мир перевернулся с ног на голову! Правильно ли я все поняла? Фоун и Пиас были кузенами?

Значит, у Пиаса была семья? Эти двое смотрели друг на друга как две застенчивые кошки, которые друг другу совершенно не доверяли. Хотя нет, взгляд Пиаса просто был холоден, а Фоун выглядела так, будто кто-то наступил на ее воображаемый кошачий хвост.

– Не те родственные связи, которыми я стал бы хвастаться, – фыркнул Вирус. – Тем более ему недолго осталось.

– А ну заткнись, Ви! – огрызнулась Фоун. – Что бы ни сделал Пиас, твой поступок ни капли не лучше. Ворриор ни в чем не виновата.

– Чейн тоже не был виноват. Тебе повезло, что у тебя другая фамилия. Будь ты из Танталов, уже давно служила бы удобрением для цветов! – так громко завопил Вирус, что аж ударил меня током. Но, в отличие от ударов Пиаса, эти причиняли мне боль. Чужое электричество промчалось по плоти, и мои вены загорелись, а мышцы напряглись так, что я забарахталась, как рыба на суше.

– Ворриор! Отпусти ее, Вирус, она ничего не знает. Я специально держал ее подальше от всего этого. Она никак с этим не связана!

– Чейн тоже никак с этим не был связан! – маска равнодушия Вируса окончательно разрушилась. Пол трясся от божественной магии, которая наполняла атмосферу. На небе, словно удары плетью, свистели молнии. – Чейн! Был! Не виноват! – снова закричал Вирус. Он выглядел так, будто вот-вот заплачет, но это были те жуткие черные тени, сочащиеся из его глаз. – Чейн был частью твоей проклятой семьи. Он был Танталом, и только поэтому ему пришлось умереть. Ты убил его. Как и всех остальных, чтобы быть там, где сейчас.

Он тяжело дышал, ухватившись за меня и пуская по моему телу истерический прилив электричества. Я беззвучно кричала.

– А ну прекратите! Оба! – заскулила Фоун. Густые слезы текли по ее щекам, а там, где они приземлялись, росла сочная зелень. – Все равно никого больше не осталось. Все мертвы. Но Ворриор не заслужила умереть из-за ваших ошибок.

– Ой, она не умрет! – сладким голосом сказал Вирус. Он затряс меня, и цепи зазвенели. – Она будет моей половинкой. Правда, придется сломать ее, но, когда я закончу, она имя Пиас даже не вспомнит, а я буду трахать ее, пока ты смотришь, Тантал!

Пиас запустил в него разряд, который затрещал в моих волосах. Он попал в наш столб, послышался хруст, и дерево расколосось. Осколки полетели, а Вирус потерял равновесие.

Мы рухнули на землю и сильно ударились. Я упала на бога, который был ненамного мягче асфальта, да и к тому же мне прилетело локтем в лицо. Я сплюнула кровь. Рядом что-то грохотало.

Вирус выругался, когда Пиас спрыгнул вниз, словно кошка. Он зарычал, а когда я подняла взгляд, то увидела Бладклоу, появившегося из тени. Его клыки сверкали белым, а шерсть угрожающе встала дыбом. Адский пес присел перед нами, присматриваясь к Вирусу, а его фиолетовые глаза светились жадной кровью.

– Ваши приказы, госпожа?

Я застонала. Пиас тем временем перешел в наступление, не остановившись ни на мгновение.

Молния затрещала, и Вирус не смог больше уворачиваться. Заряд влетел в его левое плечо и жестко откинул назад. Он закричал и закачался, а вонь горелого мяса и копоти сменила запах розы и мяты. Молния засветилась тускло-красным цветом. Я задержала дыхание, когда меня постигла та же участь. Казалось, будто тело разорвало на месте. Плоть треснула, как перезрелый плод, и кровь полилась на пол. Бесшумно задыхаясь, я придержала уничтоженное плечо. Бладклоу заскулил. Василиск беспокойно ерзал на моей коже, но он был еще слишком слаб, чтобы вступить в бой. Что за ползучий гад!

– Пиас! Пиас, прекрати! Ты только ранишь ее! – сквозь волну слез я увидела, как Фоун схватила замахнувшегося Пиаса за руку. Казалось, она была сильной.

Пиас оскалил зубы, словно волк, который собирался вцепиться в глотку жертве.

– Что, Фоун? Что, по-твоему, я должен делать? Смотреть, как этот безумец отбирает у меня женщину? – он яростно оттолкнул ее.

Богиня пошатнулась, но удержала равновесие и окинула его резким взглядом.

– И что ты собираешься сделать? – рявкнула она. – Ты можешь защитить ее, только если...

– Давай, давай! – прервал блондинку Вирус.

Мой суженый посмотрел на зеленоволосого идиота, который со стоном сжал плечо своей ладонью, но кровь все равно лилась через нее. Как и у меня. Раны не закрывались, или же на это просто требовалось необычно долгое время. Дермовый тайминг, было очень больно.

– Что? – огрызнулся Пиас.

Вирус лишь ухмыльнулся.

– Убей меня! – потребовал он, отпуская плечо и потянув меня вверх так, что я снова стала задыхаться.

– Надо было это сделать! – пальцы Пиаса с хрустом сжались в кулаки.

– Давай! – Вирус смеялся. – Стреляй мне в задницу молнией. Тем самым ты только убьешь Ворриор, но что уж там, у тебя же есть запасная жена, – он пожал плечами. – Шейм все еще мать богов. Ты не признал Ворриор официально, а если она умрет...

– Я тоже умру! – огрызнулся Пиас. – Признанная или нет, она моя половинка.

Брови Вируса поднялись.

– Это что, единственный аргумент, не дающий тебе разбить мне череп? Потому что хочешь спасти свою собственную жалкую жизнь? Бедная Ворриор. Должно быть, ты регулярно разбиваешь ей сердце.

Я вздрогнула, но в этот раз не из-за боли в плече. Улыбка Вируса стала лишь шире, когда он увидел мою реакцию. Пиас тоже это заметил. Кажется, он только сейчас осознал, в каком состоянии я была из-за него. И сейчас я имела в виду не свое похожее на шашлык плечо.

– Не беспокойся! – промурлыкал Вирус, поднимая меня на руки. – Как только познакомлюсь с милой Ворриор поближе, мы отлично повеселимся. Отправим тебе приглашение на нашу свадьбу.

Он подпрыгнул в воздух. Пиас выругался и запустил молнию нам вслед. Затем я услышала, как завыл Бладклоу, и что-то похожее на разрыв мясистого тела. Испуганный крик Фоун зазвенел в моих ушах.

Что? Что произошло? Дезориентированная, я посмотрела вниз и увидела мертвое тело Бладклоу, рассыпающееся в дым. Пиас что, только что убил собаку? Почему? Но тут я вздрогнула, почувствовав покалывание на коже, когда частички Бладклоу вернулись ко мне. Теперь он сможет сопровождать меня, куда бы Вирус меня ни потащил. Ага. Умно!

Облегчение продлилось совсем недолго, потому что в следующее мгновение наступила волна истощения. Вирус, несмотря на свои травмы, крепко меня держал, и я обмякла в его руках. Он ловко приземлился на ближайший выступ дома и наклонил голову, позволяя увидеть изящный изгиб его шеи.

– Было весело с тобой, Пиас, как всегда, – крикнул он на прощание и оттолкнулся от бетона, когда молния разорвала выступ на куски.

Он ловко балансировал, шагая по парапету, и забрался на следующий выступ плоской крыши. Вирус быстро пробежал по ней, спрыгнул, а мгновением позже мы оказались на следующей крыше. ПорноКарму он оставил где-то позади. То, что от нее осталось после Василиска, так и не двигалось. Интересно, она была мертва? Я думаю, если нет, то Пиас о ней позаботится. И говоря «позаботится»... Скажем так... Если ей повезет, он оставит ее лежать, а если нет...

Хотя Вирус старался двигаться мягко, моя голова все равно перекачивалась с одной стороны на другую. Тело покрылось холодным потом, и разум затуманился, как я ни старалась оставаться в сознании, пытаюсь смотреть на интересное лицо Вируса. Ветер растрепал необычные темно-зеленые волосы, и они развевались вокруг его головы, будто вороньи перья. Я поняла не больше половины всего, что происходило, но в одном была уверена: следующие дни, а может быть, и недели, изменят меня. Он меня изменит.

Глава 5

А здесь, справа от вас, милая леди, вы можете наблюдать туалет

Я, должно быть, не очень-то долго спала. Казалось, что через пару минут после того как заснула, тело переключилось на экстренный режим и на время выключило свет. Когда заставила себя открыть горящие веки, то поняла, что наше окружение совершенно изменилось. Судя по всему, мы окончательно покинули город, потому что перед нами раскинулась зияющая пустошь сухой земли, но это был не песок, как в красной пустыне, а потрескавшаяся серая глина.

Шаги Вируса заставляли землю хрустеть. Он явно знал, куда шел, хотя мне казалось, будто мы шлемся непонятно где. Иногда казалось, что я видела тени краем глаза, и всякий раз пугалась. Думала, что из ниоткуда появятся монстры или боги и набросятся на нас, чтобы спасти меня или сожрать. Однако всякий раз тени оказывались безжизненным гниющим мусором, который кто-то будто оставил в серой глине и забыл забрать.

Я увидела обломки автомобиля. Разбитые стекла торчали из него, как зубы, и, когда Вирус прошел мимо машины, я увидела золотой плюшевый кубик под зеркалом. В паре метров стояли скрипучие деревянные качели. Они слегка качались из стороны в сторону, будто под влиянием ветра. Но никакого ветра не было.

Вирус часто наступал на сломанные игрушки. На куклу без волос, на геймбой, мигающий зеленым, на желтую детскую погремушку. Но больше всего меня пугала тишина вокруг. Она так давила на уши, будто в сочетании с зияющей пустотой ищет, как подобраться ко мне. Она шептала что-то на ухо, я ничего не понимала и все равно боялась. Сердце билось так, словно я пробежала марафон. Холодный пот щекочущими следами стекал по коже и капал на землю, как странный след вместо крошек хлеба, который я оставляла для Пиаса.

Вирус заметил мое пробуждение. Я почувствовала его взгляд и заставила себя посмотреть на него. Не знаю, какие эмоции он видел на моем лице, но его челюсть сжалась. Он все же промолчал, и я тоже. Я могла бы укусить его или плюнуть в лицо, но мне даже на это не хватало энергии. И тем не менее мысль о том, что я могу откусить ему нос, позабавила меня. Совсем немножко. Надо будет потом пообщаться о внезапном приступе каннибализма с моим психологом.

Никто за нами не шел. Ни Пиас, ни какие-либо другие боги. Они просто так меня бросили? Без боя? Эта мысль так расстраивала, что внутренний психолог уже протянул мне салфетки.

Мы прошли мимо самолета. Он был наполовину разбит, будто потерпел крушение и треснул. Крылья напоминали обрубки. Я считала пыльные сиденья, мимо которых мы шли. На двадцатом Вирус резко повернулся и пошел в совершенно другом направлении. К сожалению, при этом он не объяснил ни где мы находились, ни куда шли, но я подозревала, что это будет не пятизвездочный отель с массажером ступней на входе. И все же он мог хотя бы немного просветить меня на предмет того, где мы находимся. Я не хотела многого, было бы достаточно болтовни в стиле туристического гида вроде: *«А здесь, справа от вас, милая леди, вы можете наблюдать туалет! Не знаю, почему он здесь стоит, но уверен, маленькие нуждающиеся боги будут очень благодарны за такую случайность и, вероятно, не будут жаловаться на проблемы с водостоком. Слева от вас вы можете наблюдать садового гнома, у которого отсутствуют все пальцы, за исключением среднего. Очень поэтично, не правда ли? Так грубо и яростно. К сожалению, неизвестно, кого нам стоит поблагодарить за этот шедевр, но подозреваем, что за этим стоит тот же сумасшедший, который отрезал кукле справа от*

вас волосы. Ох, только посмотрите туда! Отличный экземпляр чайника без крышки. Нельзя не заметить оторванную голову Барби, декоративно торчащую из земли. Просто шикарно, согласны?»

Круто. Теперь, помимо внутреннего психолога, окружение комментирует еще и гид. Чем дольше Вирус молчал, тем глубже мы уходили в пустоту Тартара. Глубже, чем у меня когда-нибудь хватило бы смелости. Я уже пыталась заткнуть болтовню воображаемого гида о прекрасной мраморной текстуре глиняного пола, как Вирус вдруг остановился.

Моя голова откинулась в сторону. Я что, храпела? Надеюсь, нет. Правда, я слышала, как задыхается Вирус. Грудная клетка вздымалась и опускалась от напряжения. Его рана все еще не зажила. Даже кровотечение не остановилось. Мы все еще были в пустыне. Ничего, казалось, не изменилось с момента, когда я храпела в плечо Вируса, однако чувствовала в воздухе тяжелый запах магии. Могущественной магии. Ого! Встревоженная, я закрыла рот и огляделась.

– Только попробуй убежать, и я разобью тебе череп. Правда, в этих цепях далеко не убежишь.

Ух ты! Первое предложение Вируса за, как мне казалось, многие часы. Так очаровательно он его произнес. Эмансипированные женщины, наверное, просто тают от такого. Я раздраженно на него посмотрела и с грацией картошки вдруг опустилась ягодицами на что-то пуховое, что со скрипом прогнулось. Взглянула на старый, обтянутый бархатом стул, который в последний раз, вероятно, видели в двадцатых годах прошлого столетия. Темно-красная спинка была потертой, а желтая подкладка проглядывала между ног и неприятно пахла плесенью. И немного кошачьей мочой. Я напряженно смотрела на Вируса, который с расправленными плечами прошел мимо, ворча, и поднял валяющийся деревянный стол. От трех шатких ножек остались лишь две с половиной, поэтому он подложил под одну из них кончик ботинка, чтобы зафиксировать. Затем он поставил на него черный ящик, который оказался диапроектором. Откуда он у него вообще? Штука весила полтонны и никогда бы не поместилась в карман. Я уже видела такие проекторы раньше, у Аида было несколько. Потребовалась целая вечность и триста диашоу, чтобы убедить его перейти на цифровую камеру.

Я с любопытством наблюдала за тем, как Вирус залез в карман своей куртки и достал несколько прямоугольных пластинок, на которые он мельком посмотрел, а затем установил в проектор. Тот щелкнул, и загорелся яркий свет. Я удивленно прищурилась. Изображение проявлялось схематично. Я наклонила голову и посмотрела на картинку. Она демонстрировала древний красно-зеленый диван. Как назвать такую цветовую комбинацию? Месячные с плесенью? Ткань была такой потрепанной, что перья торчали во все стороны. Эта штука выглядела неуклюжей и грязной и наверняка воняла так же жутко, как и выглядела. Я посмотрела на Вируса, не понимая, чего он пытается добиться этим действием. Может, мне стоило поаплодировать? Отличное фото мерзкого дивана? Однако я услышала еще один щелчок, что позволило полюбоваться следующим кадром. На нем был ковер и диван. Не менее потрепанный, ужасного оранжевого цвета. Волосы у меня на шее встали дыбом. Следующий щелчок представил новый кадр, демонстрирующий стол в гостиной. Замасленное дерево было разрисовано граффити.

Щелк.

Лампа-клоун, красный нос которого отбрасывал тусклый свет на уродливый диван. Господи ты боже мой. Дизайнер этого интерьера отчаянно нуждался в пытках и четвертовании. Это было хуже, чем экспозиции всех фильмов ужасов, которые я когда-либо смотрела. Вирус все быстрее перещелкивал картинки. Все показывали какие-то части комнат, но диапроектор так быстро их переключал, что они расплывались в моих глазах. В ушах звучало «кр-р-р» – проектор жужжал. Сияние согрело кожу шеи, когда Вирус вдруг встал рядом. Его золотые кошачьи глаза сияли в тусклом свете проектора.

– Пойдем, – прошептал он. Его дыхание коснулось моего уха, вызывая дрожь, и я не знала, приятно было или не очень. Скорее нет. Вирус снова поднял меня на руки и пошел к

слайдам. Стена перед нами дрожала от еле заметного ветерка. Что? Как? Где? Значит, там что-то находилось. И что он хотел сделать? Запрыгнуть туда?

Расплывающаяся гостиная становилась все больше и резче. Я откинула голову и вцепилась пальцами в рубашку Вируса, когда тот запрыгнул в проекцию. Все ощущалось так, будто мы пытались пройти через стену из пенопласта. Она прижималась к лицу и лишала возможности дышать. Нос хрустнул от этого сопротивления, а когда мне стало не просто неприятно, но еще и больно, давление закончилось. Мы неуверенно ввалились в комнату, которую видели на картинке.

Чертово дерьмо! Взгляд скользнул по вызывающему тошноту интерьеру, пока часть меня пыталась переварить тот факт, что мы запрыгнули в холст. В комнату, которая выглядела еще хуже, чем на картинках.

– Мы справились! Она со мной! – прокричал вдруг бог мне на ухо, трясая, как чертов футбольный кубок.

В ответ прозвучал беспокойный топот, и через пару секунд в комнату вошли двое мужчин. Еще один уже сидел на омерзительном диване и со скучающим видом смотрел в книгу.

– Ви, чувак! Ты справился... это... это она, не так ли? – недоверчиво спросил один из мужчин. Его харизма и покалывание на коже дали понять, что передо мной стоит бог. Как и остальные парни, которые заинтересованно меня рассматривали. Ладно, тип на диване выглядел скорее так, будто ему под нос сунули слизня. Проколотые пирсингом уголки рта опустились вниз, а черные волосы в лучших традициях эмо-стиля свисали на глаза. Он будто пускал по комнате черное облако депрессии, и я тут же почувствовала себя хуже. Двое других ребят смотрели на меня, как на пасхального кролика. Ну, или как на Санту. Горячего светловолосого Санту с большими сиськами.

Я возмущенно заметила, что оба с интересом смотрели на мой зад, который благодаря Вирусу все еще парил в воздухе, как спасательный круг. Я показала им средний палец не только мысленно и насладились их удивленными лицами. И только ЭмоБог стал выглядеть грустнее и тут же показал мне ответный средний палец. Мило.

– Наконец-то, – прорычал Вирус.

Я сглотнула.

– Ты ранен? – спросил один из двух ребят, стоявших перед ним.

Они, похоже, были братьями, если не близнецами: у них были длинные волосы одинакового пепельного оттенка, а черты лица одинаково симпатичными. Острые подбородки, прямые носы, высокие скулы и изогнутые брови. Только глаза сияли разными цветами. У правого они сверкали интенсивным красным, а радужка другого была ярко-розового цвета. Да, розового. Кукольного розового. В цвете было что-то странное, и я вспомнила, что видела подобное лишь однажды. У вампира-полукровки. Их было немного, потому что вампиры редко заводили детей с невампирями. Даже среди себе подобных они редко продолжали род, предпочитая обращать других. Так было быстрее, да и растяжек от этого не появлялось.

– Ничего серьезного, – отмахнулся Вирус от своих друзей, пренебрежительно усмехаясь. – Немного задело плечо.

Он потащил нас к дивану, отбросил длинные ноги ЭмоБога в сторону и, вздохнув, уселся на грязного монстра. Меня он просто отшвырнул. Оп! Убрал руки, и я рухнула вниз. Я жестко приземлилась к его ногам и захрипела, когда моя рана снова открылась, усыпая грязный ковер подо мной серебряными каплями. Выплюнула ворс и ядовито посмотрела на Вируса снизу вверх. Он бесцеремонно улыбнулся.

– Мне будет несложно привыкнуть к тому, что ты снизу... – двусмысленность в его голосе была такой очевидной, что я бы с радостью его укусила. За член. Так и есть! Высказалась.

Внутренний психолог начал рассказывать об опасностях внезапных приступов каннибализма, но я его проигнорировала.

– Она тоже ранена? Я чувствую запах крови, – ноги вампира оказались перед моим носом, и я нерешительно подняла взгляд. Это был тот, с нежно-розовыми глазами. Он улыбнулся слишком добродушно для подлого похитителя, присел на корточки и мягко коснулся моего плеча. Я испуганно втянула воздух.

– Она была ранена вместе со мной. Переживет, – кратко ответил Вирус.

– Ты уверен, что она та, кто нам нужен? Я представлял себе суженую Пиаса не такой... ручной, – сказал другой брат. В его красных глазах сверкнул злой голод, напомнивший о Спэйде, который – у меня во рту пересохло – был мертв.

– Это точно она. Только посмотрите на это, – Вирус потянул руку вниз и прикоснулся к моей шее. Я с удивлением почувствовала, как его большой палец ласкает мои артерии, и не могла остановить сияния, которое дрожью пробежало по коже. Остальные зачарованно наблюдали за тем, как Вирус непроизвольно реагировал на наш контакт. Мы сияли как два светлячка, пока он не убрал свои лапы. Измученная, я обмякла на ковре. В голове была каша. Все вокруг закружилось, и все же мне удалось произнести что-то, что можно было интерпретировать как протестующий стон.

– Потрясающе! – красноглазый вампир очарованно изучал меня, словно сумасшедший ученый. – Значит, это Ворриор? И Пиас ее не признал? У него что, в дополнение к мании величия еще и эректильная дисфункция? – его взгляд прошелся по моему телу, и в другой жизни, в другое время и в другой ситуации я бы почти восприняла это как комплимент.

– Ты можешь, пожалуйста, снять с нее эту странную маску? – добавил он.

Я тут же напряглась. Хотя... Зародилась идея. Если они снимут маску и сойдут с ума, я смогу взять ноги в руки и убежать. Так что теоретически... Если ноги заработают... Если надо, я и уползти могу. Или укатиться. Нет, из-за цепей это не удастся. Иначе придется весь обратный путь тащить Вируса за собой. Черт подери!

– Нет, – помешал моим планам Вирус. – Маска останется на месте, если ты, конечно, не хочешь сойти с ума, Сейлор. Позже я зафиксирую ее заклинанием, чтобы она не смогла сама ее снять, – он торжествующе посмотрел на меня и скрестил руки за головой. На его запястье сверкнула пряжка. Было ли ему так же больно, как и мне?

По крайней мере, цепи были достаточно длинными, чтобы рука не оторвалась при малейшем его движении. Мы могли отойти друг от друга на пару шагов, прежде чем они натянутся. Тем не менее они делали меня неуклюжей, и каждое движение сопровождалось раздражающим громким звоном.

Я фыркнула от разочарования. Черт.

– Если Пиас не признал ее, это не значит, что он ее не трахал, – сказал Вирус, вызывающе глядя на меня сверху вниз. – Вот тогда он действительно был бы идиотом.

Все, с меня хватит. Терпение лопнуло, и я сделала единственное, что было возможно в этом жалком состоянии. Подняла подбородок и укусила его за ногу. Сильно. Каннибализм, привет. Мой психолог, качая головой, вытащил блокнот с рецептами.

– Ай! Проклятое дерьмо, что... – нога Вируса дрогнула, и он так сильно пнул меня в лицо, что я услышала, как ломается нос. Что-то хрустнуло, а затем из ноздрей фонтанами потекла горячая кровь. Я застонала, придерживая лицо, а Вирус, ругаясь, обхватил ногу.

– Тупая корова!

– *Засранец-садист!* – в мыслях ответила я. В качестве обоснования я ударила его по месту, за которое до этого укусила. Вирус ударил в ответ. Я провокационно выплюнула кровь на его ноги. Он сердито поджал губы и приготовился к плевательной контратаке, как вдруг чья-то рука схватила меня за талию и быстро оттащила.

– Так, хватит. Мне кажется, вы оба уже поделились с нами своей точкой зрения, но ваша агрессия разрушает энергию ци в этой комнате.

Ци? Я возмущенно вытянула шею и увидела перед собой раскосые глаза одного из двух братьев. Очевидно, кроме вампирских корней у них были еще и японские. Светлая прядь струилась по его груди и обвивалась вокруг узкой талии.

Он добродушно выдержал мой изучающий взгляд.

– Привет, Ворриор. Мы друг друга не знаем, ну, пока что, но я надеюсь, что скоро станем очень хорошими друзьями, – он улыбнулся мне так широко, что я восхитилась его сияющими белыми зубами.

Я посмотрела с раздражением. Он что, сумасшедший?

– Я Эш, – представился он, не позволяя скептицизму на моем лице испортить себе настроение.

Он мягко поставил меня на ноги, соединил ладони и поклонился. Черт возьми, поклонился!

– Надеюсь на скорую дружбу. Ах, а вон там, – он указал большим пальцем на своего брата, который стоял позади и смотрел на меня так, будто хочет сожрать, – мой брат Сейлор. Он новый бог луны, идет по стопам богини Селены. А я новый Аполлон, бог солнца.

Хм-м... ну да, это подходило мистеру Дружелюбие. И все же взгляд упал на Сейлора, и я с таким трудом подавила смех, что уголки губ дрогнули. Значит, Сейлор был новым богом луны? Так... О боже! Имя! ³

– Если ты засмеешься, тебе придется об этом пожалеть! – зарычал Сейлор, словно читая мысли. Я издала звук, похожий на «пфи-и-и». Лицо тут же покраснело, а в мыслях от смеха я падала с воображаемого дивана.

Эш захихикал, но попытался прикрыть смех кашлем.

– В любом случае, – закашлял Эш, – с Вирусом ты уже познакомилась. Он бог алгоритмов, а также по праву рождения может стать отцом богов Подземелья! – он элегантно указал на Вируса, при виде которого смех застрял у меня в горле. – А это солнышко, – он указал на молчаливого эмо-боя, – Эйдж, бог времени. С Кармой ты, должно быть, уже познакомилась, – продолжил он мое знакомство с похитителями, но остановился на мгновение, словно предполагая, что ПорноКарма может прятаться где-то за занавесками тошнотворного цвета.

– Кстати... Эм-м... Вирус? А где Карма? – неуверенно спросил он.

Вирус скривил лицо и скрестил руки на груди.

– Боюсь, Карма хотела провести еще немного времени с Пиасом и Ко. Но я уверен, с ней все в порядке. Шейм наверняка за ней присмотрит.

– Значит, ты оставил ее там? – резко спросил Сейлор.

Вирус фыркнул.

– Мне больше ничего не оставалось. Я не мог тащить на себе одновременно мисс Смертельный Укус и Карму. Не переживай, они ничего с ней не сделают.

– Ты в этом уверен? – мягко спросил Эш.

Вирус задумался.

– Нет, – наконец признал он. – Но великие планы требуют великих жертв.

– Эх... В случае Кармы это были бы даже две гигантские и очень упругие жертвы, – вздохнул Сейлор.

Мужчины.

– Мы все являемся частью подземной элиты, – Эш раскинул руки, указывая на божественный квинтет. Он улыбнулся мне так ярко и счастливо, будто солнце осветило эту затхлую комнату. – А ты, Ворриор, – последний кусочек пазла, которого не хватало. Ты будешь нашей

³ Героиня соединила имя Сейлор и его место бога луны (*англ.* moon) в элите богов, в результате чего получилось название аниме про девочек-воительниц «Сейлор Мун», что и вызвало ее веселье.

матерью богов! Мы так долго ждали тебя, что уже потеряли надежду, – он ловко упал на колени и убрал прядь волос с моего лица.

Его пальцы погладили мою щеку, и я предостерегающе щелкнула зубами, отодвигаясь, но он лишь улыбнулся. Во взгляде Эша был такой детский восторг, что я бы не смогла в действительности его укусить.

– Не беспокойся, – прошептал он. – Я знаю, ты боишься, но бояться нечего. Мы позаботимся о тебе. Станем для тебя семьей, и Вирус в тебе нуждается. Иначе он погибнет.

Как по мне, пусть этот сукин сын гибнет, сколько влезет! Я поджала губы, чтобы продемонстрировать свое недовольство.

Эш вздохнул.

– Что-то она не выглядит очень вдохновленной.

– Она просто избалованная кукла, – сказал Вирус, презрительно на меня посмотрев. – Она и понятия не имеет, как боги живут в Тартаре, – он наклонился в мою сторону. Его мятный запах ударил в нос. – Ты знаешь только свою красивую клетку, в которую поместил тебя Пиас, не так ли? Тебе никогда не приходилось бороться за выживание. Ты никогда не чувствовала голод, от которого была бы готова слизнуть с дороги каждую капельку амброзии. Нет, ты просто ворвалась сюда и позволила надеть на себя золотой поводок, пока боги на улицах убивали друг друга.

Эта речь заставила волосы на моих руках встать дыбом. Уголки его губ растянулись в безрадостной улыбке.

– Ты мне не веришь?

Верила ли я ему? Нет. Пиас и элита, возможно, были неидеальны, но то, что рассказывал Вирус, было похоже на речь жестокого садиста, который пытался меня унижить. Признаюсь, я видела не так много в Тартаре, но что бы он ни пытался мне навязать, он явно не был объективен. Остальные молчали и напряженно наблюдали за моей реакцией. И что делать? Я не могла ни опровергнуть, ни подтвердить его слова. Кроме того, я не прощу ему того, что он меня похитил, чтобы... чтобы черт знает что со мной сделать. Может, он собирается держать меня в качестве прикроватной лампы?

В общем, я осталась смелой картошкой и лишь фыркнула ему в ответ.

– Очень раздражает, что она рот не открывает! – прервал молчание Сейлор.

– Может быть, Чейн...

– Нет! – отрезал Вирус.

– Но он мог бы...

– Нет!

Сейлор застонал.

– Может быть, Эйдж мог бы ее осмотреть? – предложил Эш.

Эмо-бог раздраженно посмотрел на него из-под своей уж слишком длинной челки и покачал головой.

– Да ладно тебе, Эйдж! – сказал Эш, хлопая ресницами. – Это будет твой первый подарок новому члену семьи!

– Кроме того, она портит ковер! – добавил Сейлор.

Я возмущенно раздула щеки. Да я скорее приукрасила этого монстра своей кровью. Но Эйдж все равно покачал головой.

Вирус зарычал, ударив его по плечу.

– Делай! Сломанная она мне не нужна.

Эйдж сердито на него посмотрел. Я тоже, но это никого не интересовало.

– Давай уже. Тебя она наверняка не будет кусать, если ты ей поможешь! – заманчиво предложил Эш.

Ха! Этого я обещать не могу.

Эйдж застонал, втянул свою проколотую губу и, наконец, наклонился, чтобы встать с дивана. Его джинсы с низкой посадкой были порваны на коленях, и когда он присел на корточки рядом, на меня уставились вытатуированные глаза, красовавшиеся прямо под его коленными чашечками. Я заметила, что на ладонях у него были такие же. Большие, ярко-зеленого цвета. С египетской подводкой. Я опустила голову на пол, когда он прикоснулся ко мне левой рукой. Совсем мягко, но даже этот короткий контакт оглушил меня, словно гонгом, и заставил вибрировать. Его магия была сладко-соленой, как лакрица. Я корчилась под прикосновением. Эйдж был могуществен. Чертовски могуществен.

– Ну и? – спросил Эш.

– Я не могу точно сказать, – Эйдж вздохнул.

Это было первое предложение, которое он сказал в моем присутствии, и лучше бы он молчал. От звука его ужасного голоса у меня, кажется, все ногти на ногах вросли. Теперь я поняла, почему он был таким тихим. Его голос был настолько грустным, сломленным и колючим, будто он говорил о мертвых котятках, увечьях, пытках, глобальном потеплении и новом эпизоде «Звездных войн» одновременно. Во всяком случае, о вещах, которые сильно угнетали. Я тут же почувствовала желание забраться в угол и рыдать. У остальных, кажется, дела шли не сильно лучше. Вирус вздрогнул. Сейлор заткнул уши пальцами и громко кричал «лалалала». Эш, напротив, внимательно слушал Эйджа, но выглядел так, будто прямо в это мгновение кто-то делал ему промывание прямой кишки.

– Что с ней не так? – спросил он.

Нет! Пожалуйста, не задавай вопросов, на которые Эйдж не сможет ответить!

– Физические травмы я могу исправить, – мрачным голосом сказал Эйдж.

О, господи, помогите! Застрелите меня! Что угодно лучше, чем слушать, как говорит Эйдж.

– Проблема скорее психологическая. Ее магия заблокирована.

Я корчилась на полу, подавляя желание расцарапать собственные уши до крови. И откуда вообще этот парень, так называемый бог времени, знал, что со мной не так? Господи! Надеюсь, он не был чем-то типа псевдоврача, который учился полгода, пока его не сбросили в Тартар. Еще хуже, если он был ветеринаром. Или стоматологом.

Сейлор продолжал кричать «лалалала». Эш храбро держался, но воображаемое промывание прямой кишки, кажется, набирало обороты. Когда наши взгляды встретились, он смог выдавить успокаивающую улыбку.

– Не переживай. Эйдж – сын Асклепия. Он хоть и не врач, но быстро понимает, если с кем-то что-то не так.

Асклепий? Значит, Эйдж был сыном бога медицины? Ну ясно, доктор-любитель.

– Что мы можем с этим сделать? – спросил, сидя на диване, измученный Вирус. Он натянул на голову грязную подушку.

Эйдж скрестил руки на груди и пожал плечами.

– Я не знаю... У нее крыша едет. Может, антидепрессанты? – предложил он. Я застонала и тоже зажала уши руками.

– Что мы можем сделать? – рявкнул Вирус.

– погоди, чувак, – Эйдж сдул прядь черных волос со своего лица. Я увидела очередную татуировку с глазом еще и на его лбу. – Если и есть способ, то только Чейн сможет ей помочь.

Я устало хлопала глазами, и в комнате повисла давящая тишина. Кто такой был этот Чейн? И почему... Мысль тут же прервалась. Что-то тянуло тело, пытаюсь пробиться к душе. Что со мной происходило?

– Ворриор? – Вирус навис надо мной, но вместо его лица я видела лишь размытое пятно. – Может быть, это разжижающее заклинание и его последствия, – пробормотал он. – Карма действовала небрежно.

Бог надо мной был уже лишь зеленой кляксой в море темноты, заставшей поле зрения, прежде чем...

Глава 6

Э-э... А почему босс лапает воздух?

На самом-то деле пора было уже привыкнуть к тому, что моя душа отправлялась гулять, когда я спала, и особенно охотно искала синеволосого ублюдка. И все же я удивилась, когда без предупреждения оказалась в большой комнате с длинным столом. Раздраженно огляделась. Где, черт по...

– Ворриор!

Я обернулась. Во главе стола стоял вышеупомянутый ублюдок, заставлявший сердце биться чаще. Господи! Мне хотелось его облизать. Светлая кожа, волосы, выющиеся вокруг ушей, полные губы и высокие скулы в комбинации с этими большими серыми глазами. Раненый, казалось, выздоровел, потому что излучал такую силу, что у меня по спине побежали мурашки. Уже не удивляло, что я хотела бросить трусики ему в лицо.

– Ворриор, сосредоточься! – его резкий приказ вырвал меня из мечтаний, заставив приятный мыльный пузырь лопнуть.

Ага. Мистер Ловец Трусов был очень горячим и очень раздражающим, когда открывал рот. Я все время об этом забывала.

– С кем ты говоришь, Пиас?

Только теперь я заметила всех остальных богов. Вся элита собралась в конференц-зале, и выглядели они так, будто кто-то умер. Я невольно зарычала, когда в довершение всего увидела, как та, кто только что задала вопрос, гладила Пиаса своими проститутскими пальцами по плечу.

Шейм имела наглость симулировать человеческие чувства. Пиас нервно стряхнул ее руку с себя и так быстро ушел в другой конец комнаты, что это было похоже на побег. Остальные остановили дискуссию и посмотрели так, будто у него были не все дома. Пиас игнорировал всех и еще на бегу так быстро притянул меня к себе, что в легких не осталось воздуха.

– Ворриор, я так переживал за тебя! – прошептал он в мои волосы. Его руки так крепко меня обхватили, будто он хотел впечатать меня в себя. Я удивленно фыркнула.

Плечи Пиаса затряслись. Он уткнулся носом в мое плечо. Его близость в комбинации с запахом была такой ошеломляющей, что я могла лишь вцепиться своими полупрозрачными руками в его майку и прижаться к нему.

– За последние несколько часов я умер сто тысяч раз, – прошептал он, заставляя меня поднять взгляд. Я вздрогнула от ужаса, который заметила в его глазах. Еще никогда не видела в них столько эмоций. Как будто серебряные зеркала тонули в темной буре.

– Э-э... А почему босс лапает воздух? – смущенный вопрос Чарминга тут же вырвал нас из забвения. Я вздрогнула, но Пиас прижал меня крепче к себе и повернул лицо к озадаченным богам.

– Ворриор тут, – кратко ответил он. Я чувствовала его бешеное сердцебиение на своей щеке.

– Где? – спросил Бизар, столь же сбитый с толку, развалившись на стуле рядом с Чармингом и упершись ногами в край стола.

– Думаю, именно там, где он лапает воздух, – сухо предположила Шейм, которая скептически смотрела так, будто могла меня видеть.

Я снова вздрогнула.

Пиас проигнорировал ее, обхватил мое лицо руками и внимательно посмотрел.

– Как твои дела? Они что-то с тобой сделали? Что Вирус сказал тебе? Ты можешь говорить? – забрасывал он вопросами.

Я предостерегающе шелкнула языком и ущипнула его за предплечье, чтобы он отпустил меня. После этого покачала головой.

– Что? – спросил он, хватая меня за плечи и отчаянно тряся. – Что «нет», женщина? Скажи что-нибудь! Я тут от страха умираю!

– Ой, не надо драмы, до этого у тебя все было роскошно, – фыркнула Шейм, пока Бизар и все остальные все еще по-идиотски пялились.

– Я не понимаю! – сказал Бизар.

О, которая сидела в углу и поглаживала дрожащий куст, глубоко вздохнула. В ее молочных глазах была растерянность, какой я не видела прежде. Под ними виднелись темные круги, а вокруг рта появились морщины.

– Что ты не понимаешь, Бизар? Души Ворриор и Пиаса связаны. Да, не фыркай, Шейм. Это так. Смирись с этим. Искать друг друга у них в природе. Где бы они ни находились физически. Будь у Пиаса душа, она сделала бы то же самое.

– Ты можешь говорить? – снова спросил Пиас, игнорируя суету вокруг нас.

– У нее все хорошо? – спросил Чарминг, вскакивая на ноги и заламывая руки. – Как она выглядит? Истощенной? Достаточно ли ей дают амброзии? Пиас, скажи ей, что она, как божественный птенчик, должна пить амброзию минимум раз в день!

– Она не выглядит истощенной!

– Точно? Посчитай ее ребра.

– А при чем тут вообще ребра?

– Если они торчат, значит, она истощена. Она должна поесть, скажи ей!

– Она тебя слышит.

– Ой... А она может сказать хоть что-то?

Я улыбнулась и беспомощно пожала плечами.

Пиас поджал губы и, кажется, напряженно думал.

– Думаю, хотя бы эту проблему мы можем решить. Брейв!

Последнее слово он выкрикнул таким резким командным тоном, что половина комнаты встала по стойке смирно. Включая меня.

Куст у ног О зашевелился. Пара листьев упала на пол, а затем кора зазаскрипела и растянулась. Веточки стали толще, увеличиваясь в размерах, пока в конференц-зале не появился Брейв. Зеленый лист висел в его волосах, а из левого уха торчала веточка. Как и в случае О, круги под его глазами били все рекорды цветового спектра. Он качался, но О его придержала.

– Я здесь, Пиас, – пробормотал светловолосый великан. То, что он был таким уставшим, разбивало мне сердце. Его растерянный взгляд метался по сторонам, но в настоящий момент он меня не видел.

– Я слушаю, – пробормотал он так невнятно, будто выпил слишком много алкоголя.

– Слух Брейва настроен на все божественные частоты. Он слышит все! – настойчиво сказал мне Пиас, толкая меня вперед. Я столкнулась с Фэйдом, Лостом и Чармингом: все они испугались.

– Холодно! – пожаловался слабак Фэйд.

– Он услышит тебя, – продолжил Пиас деловитым тоном, смотря на своего единокровного брата как на странный инструмент. – Думай как можно громче. Сосредоточься на нем.

Я с сомнением подняла бровь. Пиас сжал зубы и подтолкнул меня.

– Попробуй!

Я вздохнула, откинула голову назад и подумала.

Банановый хлеб.

И ничего. Брейв все так же смотрел мимо моего левого уха, ничего не видя. Его функция божественного радиоприемника, казалось, делала его восприимчивей к астральным телам вроде меня сейчас. Интересно. Я задавалась вопросом, что еще Брейв мог слышать. Включая

сущест, которых мы не могли видеть. Через пару лет бедняга, наверное, станет таким же сумасшедшим, как О. Слава богу, что я не была медиумом.

Пиас ущипнул меня.

– Думай громче! – скомандовал он.

Гр-р-р! Ну, если он так хочет. Я начала усердно петь песню «Sweetie Pie». И ничего. Боги сзади нас шептались, и я слышала, как Шейм подло хихикает.

– Тупая потаскуха! – рот Брейва открылся, и он сказал ровно те слова, которые пришли мне в голову. Все замолчали и уставились на него.

– Ой, извини, – подумала я, ударив себя по лбу.

– Ой, извини! – повторил Брейв, словно робот. На его лбу проступил пот.

Боги засмеялись, а Шейм зашипела и выпрямилась.

– Как выродок меня назвал? – спросила она.

– У Шейм снова ПМС? – спросил Брейв за меня, снова заставив всех смеяться. Мне, тем временем, тоже стало веселее.

Глаза Пиаса засветились от волнения.

– Как твои дела? – спросил он, прежде чем Шейм смогла продолжить веселье.

Я мысленно откашлялась и как можно яснее передала свои слова Брейву.

– Пока что неплохо. Вирус притащил меня в свою лигу надутых ботаников, а этот парень, Эйдж, осмотрел меня.

Ноздри Пиаса раздулись.

– Эйдж? Ты сказала Эйдж? – с беспокойством спросил он.

Я кивнула.

– Да, – ответил Брейв за меня. – Высокий. Эмо. Серьезная проблема со стрижкой, боюсь, с такой шваброй перед глазами он однажды влетит в стену. Когда я услышала его голос, мне захотелось пустить в себя пулю.

– Я бы в тебя ее пустила! – пробормотала Шейм, но ее все проигнорировали. Все слушали наш странный диалог.

– Ты где? – спросил Пиас.

– В диакартинке.

– Что?

– В какой-то диакартинке.

Брейв зашипел.

– Брейв! Переводи нормально. Ты где, Ворриор? Мы тебя оттуда достанем.

Я уперлась руками в бока.

– Нет, я серьезно. Я в диакартинке.

Пока Пиас отчаянно хмурился, мне показалось, что Чарминг начал сильно трястись. Бизар тоже это заметил и в замешательстве уставился на него.

– Но... где это находится?

Я беспомощно вздохнула.

– Мы очень долго туда шли, – позволила я высказаться Брейву. – Там посреди пустоты стоит диапроектор с картинками. Мы внутри.

– Звучит подозрительно похоже на зеркальную магию! – вставил слово Хак.

– Сдвиг реальности! – исправил его Фэйд.

– Эйдж – бог времени... – пробормотал Пиас. – Мог бы он такое сделать? – он задал вопрос в никуда, но тут же развязал бурную дискуссию.

Пиас фыркнул.

– Заткнитесь! – прорычал он, и его приказу неохотно последовали.

– Можешь назвать места, на которые мы могли бы ориентироваться? – спросил меня Омор, рыжеволосый бог войны.

Я с сожалением покачала головой.

– Диапроектор показывал страшную гостиную, – это было все, что я могла сказать.

– Детали?

– Очень, очень страшная гостиная.

– Ворриор!

– Ну что? Я не знаю. Я половину времени была без сознания, мы можем быть где угодно.

– Ну ладно, – Пиас сделал глубокий вдох. – Слушай. Мы найдем это место, но до тех пор будь осторожна. Вирус и остальные невероятно опасны. Они все пытались попасть в ряды элиты, но потерпели неудачу. Они отбросы Тартара. Прежде всего тебе стоит присматривать за Вирусом и Эйджем. У Вируса тяжелая шизофрения. Он не очень хорошо пережил падение в Тартар, а Эйдж – его верный пес. Они как чума и холера.

– Они называют себя элитой Подземелья. Вирус сказал, что они сделают работу, которую вы забросили, – сообщила я Пиасу.

Вокруг меня был слышен смех.

– Это как если бы мафия назвала себя правительством, – рассмеялся Пиас.

М-м-м. Я посмотрела на него. Что-то здесь было не так. Да и с Вирусом тоже. Но я отпущу ситуацию. Пока что.

– Вирус говорит, что боги на улицах голодают.

– Что за бред! – зарычал Бизар. – Он просто ведет к гибели всех, кто встает у него на пути. Парень путает реальность со своим испорченным мировоззрением. Не слушай его, барби. Вирус уже давным-давно утратил способность здраво мыслить.

Но на сумасшедшего он не похож, с тревогой подумала я, но мудро сдержала эти мысли. Если Брейв и услышал, то промолчал.

Пиас посмотрел на меня. Он нежно провел пальцами по моей нижней губе, медленно наклонился и поцеловал меня. Я почувствовала покалывание в теле и засветилась так ярко, что остальные, кажется, это заметили, потому что растерянно хлопали глазами. Его губы были теплыми и мягкими и осторожно двигались. Они ласкали меня с едва подавляемой страстью, которую я с наслаждением глотала. Я закрыла глаза и вздохнула, пока одна волна жара гналась за другой по моим холодным клеткам. Вот где было мое место. В его объятиях. Часть меня это знала, даже если другая еще колебалась.

– Мне так жаль, что тебя втянули в эту старую вражду, – Пиас прислонился лбом к моему. Синие пряди шекотали.

Я вздрогнула.

– Я найду тебя! – пообещал мне он. – Вирус обитает в старых пустошах, которые уже десятилетиями стоят без дела. Не слушай, что он говорит, а если и будешь, то включи разум и вспомни, что все, совершенное им до сих пор, заканчивалось смертью и разрухой. Ты не знаешь его прошлого. Он попытается продавить свои планы, но я знаю, какая ты сильная и смелая и какой у тебя острый язык. Не позволяй ему тебя сломить. Я... Я в тебе нуждаюсь. Чтобы ты была рядом.

– Я приложу все усилия, – с улыбкой передала я через Брейва. Большого ему обещать не могла. Сначала нужно выяснить, что здесь происходило.

Пиас закрыл глаза, резко втянул воздух и мягко поцеловал меня в лоб.

– Есть еще кое-что, – прошептал он так, чтобы только я могла его слышать. – Мне бесконечно жаль твоего брата. Я допустил ошибку. Огромную ошибку. Я бы исправил это, если бы только...

Я резко проснулась со вкусом крови на губах. Язык пульсировал, будто я его прикусила. Озадаченно осмотревшись по сторонам, увидела потрепанную мебель, которую не знала, услышала незнакомые звуки и почувствовала рядом совершенно чужое тело. Я замерла и потрогала его. Моя рука лежала на широкой и крепкой груди, которая медленно поднималась и опуска-

лась. С мрачным предчувствием я вытянула шею, надула щеки и посмотрела на мистера Грудь. Провода на его лбу мигали, а темно-зеленые волосы спадали на высокий лоб. Это был Вирус.

Черт подери. Я лежала в кровати со своим похитителем и обнималась. К тому же пускала слюни на его футболку. Я убрала руку с его груди и потеряла равновесие. Гравитация потянула меня за задницу, толкнула, и туловище ударилось об пол, пока ноги все еще лежали на кровати. Ай! Боль пронзила копчик, а металлический наручник врезался в запястье. Я застонала.

Храп Вируса затих.

– Что... – пробормотал он.

Я услышала шуршание, и кто-то вытянул простынь из-под моих ног, а затем растрепанная после сна голова наклонилась ко мне. Большой палец моей ноги был прямо рядом с его носом. Надеюсь, он вонял. Усталые желтые глаза Вируса смотрели на меня и вдруг стали гигантскими. Он издал такой неожиданный крик, что я испуганно завизжала в ответ. Беззвучно, правда. Ругаясь, он поднял подушку и с силой бросил мне в лицо. Я откатилась в сторону, плюясь перьями, запуталась ногами в одеяле и беспомощно ерзала по полу, пока он, безумно крича, схватил вторую подушку. Эту он, правда, крепко держал. Его костяшки побелели, когда он бил меня так, будто я была каким-то противным пауком. Барахтаясь, я попыталась выбраться из одеяльного буррито.

– Сейлор! Эш! – зарычал Вирус.

Пуф-ф!

Моя щека получила удар.

Пуф-ф!

Я почувствовала ткань между зубами.

Пуф-ф!

Ай! В этот раз он попал в подбородок.

Дверь, которую я до этого совсем не замечала, громко открылась, ударившись об стену, а за этим звуком последовало ворчание двух голосов. Я вытянула шею, когда Сейлор и Эш ворвались в комнату, оба такие помятые, будто только что вылезли из кроватей. Их длинные волосы доходили до талии. Сейлор был одет лишь в пижамные штаны, и я увидела несколько серебристых пирсингов на его сосках. Уф-ф. Эш пытался выглядывать из-под наполовину съехавшей маски для сна и, к сожалению, недостаточно быстро завязал на себе кимоно в розовый цветочек. Очевидно, он был любителем мужских стрингов. Боже ж ты мой. Не знаю, что раздражало меня больше: соски Сейлора или слегка одетый Эш. Оба бога, несмотря на заспанный вид, держали в руках пистолеты, держа пальцы на спусковых крючках.

– Помогите мне!

Пуф-ф!

Еще один удар.

Я крикнула и пнула Вируса, заставив длинные цепи между нами зазвенеть.

– Что? Господи, что случилось-то? – хрипло потребовал объяснений Сейлор, пока бесцельно размахивал пистолетом в воздухе.

– Я... Она пыталась похитить меня! – заскулил Вирус, отстраняясь, и вскочил на кровать, готовый к бою. Проваливающийся матрас заставлял его подпрыгивать на месте, пока он угрожающе держал подушку над головой.

Мой рот открылся. Что?

– Э? – выдавил Эш, который, наконец, смог поднять маску для сна. Его взгляд скользнул по комнате, оценивая ситуацию. Я в буррито из одеяла лежала на полу, а взбешенный Вирус стоял надо мной.

– Кх! – бездыханно умоляла я обоих, подняв руки в защите. Вирус ахнул.

Пуф-ф!

Ай.

– Сделайте уже что-нибудь! – крикнул он, не веря в происходящее.

Братья просто пялились на нас, пока Сейлор не начал хихикать. Эш к нему присоединился. Я была не единственной, кто прожигал их сердитым взглядом. Но Вирус выглядел еще и сбитым с толку.

– Расслабься, Чейн, – смеялся Сейлор. – Все в порядке. Это Ворриор. Мы же говорили тебе, что отправимся за ней, разве нет?

На наших с Вирусом лицах было написано ничего не понимающее «э». Мы просто недоверчиво смотрели друг на друга.

– Ворриор? – спросил зеленоволосый бог, произнося мое имя так, будто оно оставляло какой-то странный вкус на его языке.

– Чейн? – мысленно спросила я.

Божественные братья спрятали оружие.

– Мы все объясним. Извини, Чейн, мы думали, что ты проснешься позже, – ухмыльнулся Эш, бросаясь ко мне. Ловкими пальцами он высвободил мои ноги из одеяла и поднял меня.

Я зашаталась и быстро вцепилась в него, прежде чем ноги снова подкосились. Но я стояла! Достижение! Вирус – или Чейн? – нахмурил брови, сжимая подушку в руках. Он оперся на нее подбородком и пристально на меня смотрел.

– Что? Почему она лежала на нашей кровати? И что это такое? – спросил он, указывая на цепи.

Сейлор зевнул, причмокнул губами и махнул рукой в сторону открытой двери.

– Пойдемте в гостиную. Там мы вам все объясним.

Вирус, или как его там звали, окинул меня подозрительным взглядом, а затем ловко соскочил с кровати и вышел из комнаты. Подушку он все еще прижимал к себе как пушистый защитный щит.

Я стояла, пока цепи не натянулись и не пришлось идти за ним, чтобы меня не потащили по полу. Эш поддерживал, пока я шаталась, словно пьяная, и улыбался мне слишком дружелюбно для похитителя. Стринги снова промелькнули перед глазами. Я тяжело вздохнула и последовала за нетерпеливо натянутыми цепями. Когда мы вышли в коридор, меня окатило холодным воздухом. Окружение выглядело не очень-то впечатляюще. Круглый бетонный коридор с голыми стенами внушал чувство, будто я иду по какой-то трубе. Иногда на сером фоне виднелись яркие граффити. Пахло сыростью и затхлостью, а холод проникал через носки. Где, черт возьми, моя обувь? Ответа на этот вопрос не было. Я продолжала спотыкаться, пока мы не покинули тоннель и не перешли в разветвление, ведущее в ужасную гостиную из моих воспоминаний. Бесшумно ругаясь, я споткнулась о ботинки. Благодарная быстрой реакции Эша, я не упала.

– Садись, милая, ты выглядишь растерянной, – тихо сказал он, подводя к отвратительному дивану.

Безумный Вирус выругался и демонстративно уселся на другой конец. Как можно дальше от меня. Наступила неловкая тишина, и мы подозрительно уставились друг на друга. Я угрюмо вытащила перо из волос. Вирус смотрел, нахмутив лоб, но огоньки на нем не мигали. Он что, забыл зарядить их ночью? Где вообще была розетка для его батареек? Я ухмыльнулась, опустив взгляд на его зад.

Вирус быстро поджал ноги и мрачно на меня посмотрел.

– Вот, выпей! – перед моим носом появилась рука Эша, в которой он протягивал мне наполненную до краев кружку с надписью «Я GYLF (God you'd like to fuck)».

Не успела я взять ее, как мой живот заурчал настолько громко, что все могли это слышать. Сейлор широко улыбнулся. Я с недоверием посмотрела на содержимое кружки и понюхала. Амброзия! Но эта штука могла быть отравлена! Или туда могли подмешать наркотики! Или срок годности истек! Я поморщилась, отмахнулась от кружки и покачала головой.

– Можешь спокойно пить. Мы никакого снотворного туда не подсыпали, – ухмыльнулся Сейлор.

Эш хлопнул своего брата по лбу ладонью.

– Бака!⁴

Болван. Сейлор лишь похотливо улыбнулся, и я закатила глаза.

– Пей, – вздохнул Эш. – С напитком все нормально, ты выглядишь голодной.

Я действительно была голодной. Черт возьми! Но все еще не доверяла им. И продолжала размышлять об этом, пока Сейлор не фыркнул с раздражением, выхватил чашку и сделал большой глоток. Я пристально наблюдала за тем, как подпрыгнуло его адамово яблоко, а затем с уголка рта стекла красная капля. Он снова поднес кружку ко рту, открыл его и демонстративно показал мне красную жидкость, которую медленно глотал.

– Давай уже, – скомандовал он, вернув чашку.

Живот снова заурчал, и я одарила его суровым взглядом. Предатель. Но все же мои пальцы впились в кружку. Интересно, они считали меня идиоткой? Я смотрела «Игру престолов»! Может быть, Сейлор незадолго до этого принял противоядие, чтобы не умереть от напитка! Может быть...

– Пей, или Чейн избьет тебя подушкой! – сердито сказал Эш, и я... эх, господи.

Голод и злые взгляды, немного напоминающие мне Даймонд, взяли верх над моими сомнениями. Я наклонила голову и быстро опустила в чашку кончик языка.

Сейлор ударил себя ладонью по лбу.

– А мы не можем ее вернуть? – заворчал он.

Я гневно посмотрела на него, позволяя капле амброзии растаять во рту. Ладно. Если в ближайшие секунды я не закачу глаза и не сдохну, можно попробовать еще раз. Все смотрели, пока я ждала смерти в стиле Джоффри⁵, которой, к счастью, не последовало.

– Видишь? – сказал Эш, улыбаясь. – Тебе не стоит переживать. Правда. Не смотри так на нас, мы все объясним.

Я фыркнула и сделала последний маленький глоточек, прежде чем идентифицировать напиток как безопасный. Поднесла чашку ко рту и в три глотка ее опустошила. Господи, как хорошо! Со стоном я закрыла глаза, наслаждаясь теплом, которым амброзия стекала по горлу в желудок. Потом я рыгнула. Громко. Не буду придерживаться правил этикета со своими похитителями.

Я не могла подавить в себе обнадеживающее чувство.

– Еще? – спросил Эш, радушный хозяин.

Я быстро кивнула и отдала ему кружку, услышав щелчок, когда он нажал на крышку термоса. Я с наслаждением выпила и эту порцию за рекордный срок. Урчание в животе стало тише, и впервые за долгое время я хоть немного расслабилась. Даже откинулась на диван и села, скрестив ноги по-турецки.

– Ты еще ешь обычную еду, Ворриор? – Эш поставил термос рядом со мной, чтобы я пила, когда захочется.

Несмотря на попытки не считать этот жест милым, у меня ничего не вышло. Я наклонила голову, слизнула остатки амброзии с нижней губы и кивнула, большим и указательным пальцем показав «еще немного».

– Сейлор, принесешь? – крикнул Эш своему брату. Вместо ответа на колени прилетела коробка. Я поймала ее, ахнув от неожиданности. Это были твинки! Я с такой же любовью прижала к себе кексы с маршмеллоу, как Голлум – свое кольцо.

⁴ Бака (*яп.* ##, ##, ## бака) – самое распространенное в современном японском языке ругательство со значениями «дурак», «болван», «идиот», а также «дурашка», в уменьшительно-ласкательной форме.

⁵ Джоффри Баратеон – персонаж американского телесериала «Игра престолов», основанного на серии романов писателя Джорджа Мартина «Песнь Льда и Пламени». Герой умер вследствие отравления.

Эш засмеялся.

– Можешь есть. Они все твои!

Что ж, мне не надо повторять дважды. Я радостно открыла коробку, достала кексик из упаковки и засунула в рот. Мои щеки наполнились восхитительным клейким тестом. Крем устроил взрыв вкуса на языке, и я застонала от пирожкового оргазма, выглядя, наверное, как самый радостный хомяк всех времен и народов. Все уставились так, будто наблюдали за аварией, пока я поела один кекс за другим.

– Дерьмо! Ты их жуешь вообще? – спросил Сейлор после пятого кекса.

Я взяла кекс номер шесть.

– Прямо как анаконда! – захихикал Эш.

– Слово сочетание «глубокая глотка» приобрело для меня совершенно новое значение, – многозначительно прошептал Сейлор.

Я показала ему средний палец и почувствовала, как из рта вытекает крем. Вирус – ну, или Чейн – сидел молча и с нарастающей растерянностью смотрел за тем, как я поела восьмой твинки. Впервые за последние пять минут я глотала воздух ртом.

– Надо бы тебе почаще жевать, а то еще живот заболит, – строго сказал Эш.

– Или сняться в пищевом порно, – выпалил Сейлор.

– Я не понимаю... – прервал Вирус-Чейн нашу болтовню. На его лоб спадала зеленая прядь. – Это... Ты Ворриор? Суженая Пиаса?

Я неохотно кивнула. Он что, так часто похищал женщин, что уже различать их не мог?

– Да, это Ворриор, – дружелюбно ответил Эш. – Вирус вчера привел ее к нам.

Я перестала жевать и склонила голову. Э?

Вирус-Чейн поджал губы, изучая меня.

– Значит, ему действительно удалось?

Эш вяло кивнул.

– Как видишь.

– И эти цепи... – пробормотал Чейн, глядя на свою руку. – Это танталова цепь? Я ее не... Я уже не так хорошо ее помню.

– Мне очень жаль, Чейн, – продолжил разговор Эш, а я слышала в своих ушах только пение цикад.

Стойте! Я ни слова не понимаю!

– Это было необходимо, – сказал светловолосый бог зеленоволосому. – Мы бы не стали этого делать, если бы у нас была другая возможность. И ты это знаешь.

Вирус-Чейн, или все-таки Просто Чейн, так сильно стиснул зубы, что мышцы на его челюсти напряглись. Он с отвращением отвернулся.

– Мне становится плохо, когда я смотрю на нее.

Сначала я подумала, что он имел в виду меня, но его руки дернули цепь.

У него красивые руки, с раздражением заметила я. Длинные и тонкие пальцы, как у пианиста... Безумного пианиста-психопата. Или просто психопата, который любил заботиться о своих руках.

– Почему он это сделал? – выдавил Чейн. – Он должен был забыть об этом, прошло много лет, а девочка не заслужила того, чтобы здесь находиться.

Под девочкой, видимо, он подразумевал меня. В его глазах была такая ранимость, что мой желудок, набитый твинки, сжался. Что это такое?

– Мне очень жаль, Ворриор, – прошептал он.

– Прекрати, Чейн, – мягко сказал ему Эш. – Прекрати упрекать себя в этом. Мы отлично заботимся о Ворриор, все будет хорошо. План Вируса гениален. И он сработает. Уже сработал, – он указал на меня.

– Нет, не сработает. Это совершенно бессмысленно! – застонал Чейн, утыкаясь лицом в подушку.

Я вдруг почувствовала непреодолимое желание подползти к своему похитителю и обнять его. Он выглядел ужасно потеряннным. Ух ты. Один день в плену, и у меня уже развился стокгольмский синдром. Я мысленно аплодировала себе, а внутренний психолог любезно указывал на психушку. Белую рубашку богине, пожалуйста.

Эш заметил немой вопрос на моем лице и грустно улыбнулся.

– Запуталась?

Я напряженно кивнула.

Эш вздохнул и с измученным видом скривил лицо.

– Это сложная история, и я не знаю, насколько Вирус позволил бы нам тебе рассказать, но...

– Господи, Эш! Расскажи ей уже и все! – прорычал Сейлор. Он посмотрел на меня, и в голову закралась мысль, что сейчас я услышу что-то плохое. – А то я это сделаю. Ты с нами, потому что твой милый чертов Пиас был сброшен в Тартар.

Окей. Это я и так знала.

Сейлор мрачно улыбнулся, и я почувствовала, как по моей шее пробегают мурашки.

– Старина Зевси не только отобрал у него душу, – продолжил он. – Он еще и позаботился о том, чтобы отпрыск не становился здесь слишком могущественным, поэтому сбросил его вместе с цепями. Эти штуки держат в себе семейное проклятие, которое может убить даже бессмертных. Твой милый пончик истребил всех, кто носит имя Танталов. Частично из-за того, что его заставило это сделать проклятье, частично из-за того, что он со своим проклятьем не мог оказаться у руля элиты. Чейн, единокровный брат Вируса, был последним прямым родственником с фамилией Тантал. Пиас обезглавил его у нас на глазах. Заклятие, правда, не было снято, потому что сам Пиас все еще был жив... Ну, или что-то вроде того. Цепи потеряли часть своей силы, и ублюдок смог снять их и стать отцом богов.

Челюсть отвисла. Хотя нет, еще хуже. У меня отвисло все, что только могло отвиснуть. Я хлопала глазами, подняла руки и показала жест «тайм аут».

Однако Сейлор продолжил свою речь. Беспощадно и с таким мурлыканьем, будто наслаждался тем, что топтал ногами мое сердце и веру в Пиаса.

– В любом случае, у Вируса есть способность быть многоликим, как бог Янус. Он впитал в себя умирающий дух Чейна, и тот смог продолжить жизнь в его теле. Поэтому время от времени они чередуются. Он не может это контролировать. Пока один пользуется телом, другой спит, и наоборот. С тех пор Вирус хочет отомстить Пиасу, и мы сбросим этого большого ублюдка с его трона. С твоей помощью. Конец.

Тишина. Что за черт? Ужасная тишина. Я уставилась на братьев, а затем на Чейна, который невинно смотрел на меня. А пока мысли безумной каруселью металась в голове, я впервые почувствовала его запах. Корица. Он пах острой теплой корицей. Как рождественские печенюшки. И совсем не как мята Вируса. Этот незнакомый запах другого бога ударил меня, словно кулаком. Я захрипела и вскочила с места. Цепи зазвенели, и я в ужасе уставилась на них. Эта танталова цепь прокляла Пиаса? Из-за нее он убивал своих родственников? Неужели всех? Пиас серьезно всех их убил? Почему я ничего не знала об этом? Ни он, ни кто-то из элиты не рассказывал мне об этом и даже не намекнул. В ушах свистело. Я стала лихорадочно бегать по комнате, словно сумасшедшая, спотыкаясь о собственные ноги.

Не могла представить себе, чтобы Пиас был способен на что-то настолько ужасное. Да, он точно был высокомерным идиотом. Придурком. Иногда еще и снобом, но точно не монстром! Черт подери, я люблю этого ублюдка! Он же не мог...

Закружилась голова, и я, споткнувшись, вцепилась во что-то, что оказалось грудью Вируса... а нет, Чейна. Он поддержал меня.

– Эй, Ворриор. Глубокий вдох, – сказал мне он.

Я покачала головой, ища признаки того, что он был тем, кем себя называл. Чейном. Другой личностью. Братья все же могли рассказывать мне какую-то ерунду. Они наверняка будут лгать. Я бы и сама так поступила на их месте: осознание этого стянуло мои внутренности. Они могли сказать мне, что небо не синее, и все лишь для того, чтобы я им доверилась. И усомнилась в честности Пиаса. Чтобы я поддержала их сумасшедшие планы, хотя у меня были дела поважнее... Например, убивать наших родителей. Господи ж ты боже мой. Я сердито покачала головой, бросилась прочь и наткнулась на уродливую клоунскую лампу.

– Почему она ничего не говорит? – Чейн с беспокойством следил за моими движениями. – Почему ты ничего не говоришь? – спросил он теперь напрямую.

Я яростно открыла рот и закричала. Но прозвучало лишь «пфт», а в остальном тишина. Из глаз потекли слезы. Как же это все по-идиотски! Все это. Пиас. Вирус. Чейн. Таргар. Наши родители. Мэдокс. Я захныкала, пытаюсь удержать свой нервный срыв, но желчь поднималась все выше к горлу. В конце концов, я согнулась, упала на руки и вцепилась пальцами в грязный ковер.

– Мы не знаем этого, – объяснил за меня Эш. – Она прибыла уже такой. Не может говорить, была бледная и почти не двигалась. Должно быть, что-то случилось перед тем, как она попала к нам. Эйдж сказал, что ее магия заблокирована. Мы подумали, что ты, возможно, сможешь помочь ей.

Я не видела реакции Чейна. Правда, уже через несколько секунд, в течение которых я перебирала свои панические мысли, его ноги появились в поле зрения. Он упал на колени рядом со мной. Мягко, почти застенчиво взял мое лицо в руки и повернул к себе. Я сопротивлялась, но он держал крепко, и моя челюсть хрустнула. Как бы хотелось сейчас выкрикнуть ему в лицо какое-нибудь оскорбление.

– Ш-ш-ш, – тихо утешал меня он. – Успокойся, Ворриор. Думаю, многое в рассказе Сейлора звучало не очень корректно. Сделай еще один глубокий вдох. Мы объясним тебе все это еще раз, хорошо?

Я спокойно кивнула, даже если меня чуть не стошнило.

– Покажите ей книгу, – попросил он братьев. Я отвернулась, больше не желая чувствовать на себе прикосновение Чейна, и он позволил мне это сделать.

Эш принес толстую книжку, открыл и положил ее перед нами.

– Ты знаешь что это? – спросил Чейн.

Я задумчиво посмотрела. Дышать было тяжело, в голове все грохотало. Несмотря на очевидную старость, бумага выглядела как новая. Буквы были написаны так плотно, что мне захотелось рассмотреть их под микроскопом. Я взяла обложку указательным и большим пальцами и посмотрела на название. *τους θεούς*

– *Tous Theous*, – мысленно перевела я. С греческим дела у меня обстояли неважно. Ладно, на самом-то деле я запомнила только ругательства, но их и так каждый ребенок богов знал. Эта книга была обязательной программой, как Библия у людей, а самым маленьким ее читали в качестве сказки на ночь. Зевс сам эту книгу и написал.

– Это писание о богах, повествующее обо всем, вплоть до последних восьмидесяти лет.

К чему он ведет? Я открыла книгу. Исписанные страницы были слишком белыми и слишком яркими.

Чейн серьезно посмотрел на меня.

– Прочти раздел пятьдесят восемь, 1с. Тогда ты поймешь, что мы тебе не лжем.

Я бы предпочла, чтобы это было ложью. Всяко лучше, чем такая правда. Уголки губ дрогнули, а под мышками проступил холодный пот. Я вздрогнула, когда взгляд скользнул по страницам, и начала читать.

Ранее Зевс проклял свой собственный род. Танталидов. Проклятие действовало, пока его потомки были живы. Оно состояло в том, что каждый из его потомков будет убивать членов семьи, таким образом таща на себе цепь насилия и вины перед своим родом. Проклятие закончится лишь тогда, когда прервется последняя нить судьбы Танталидов.

Там все было не очень ясно, но я поняла, что имелось в виду. Должно быть, речь шла о Чейне. Я уставилась на зеленоволосого бога. Я знала этот отрывок. Разумеется, я его знала. Даймонд заставляла меня учить наизусть целые страницы. Этот текст был настоящим. Они мне не лгали.

– Ворриор, Ворриор, не падай в обморок!

Я захлопала глазами, перед которыми танцевали черные точки. Чейн вклеил мне пощечину, которую я едва почувствовала.

– Тебе срочно надо обследовать ее, Чейн, – с беспокойством сказал Эш.

Чейн кивнул. Легкая пощечина превратилась в сильную хватку, которая повернула мою шею. Золото в глазах Чейна сияло, словно жидкая лава.

– Глубокий вдох, Ворриор. Мы все тебе спокойно объясним. Однако я хочу узнать, что с тобой происходит. Можно? Обещаю, я не буду тобой манипулировать или... я... – он замолчал. – Мне так обидно за тебя. То, что сделал Вирус, непростительно. И все же я извиняюсь за него перед тобой. Если бы я только знал, что он претворит свой план в жизнь, то... – он оставил предложение незавершенным и посмотрел так же растерянно, как я себя чувствовала.

– *Вы хотите помочь? Тогда отпустите меня!* – хотела я крикнуть ему в лицо. Все во мне рвалось бежать, лететь. Прочь от Чейна, Вируса и раздела пятьдесят восемь, 1с. Я должна была вернуться к Пиасу, броситься в его объятия и вдохнуть запах снега и озона. Убедиться в том, что он не был монстром.

– *Но он убил Мэдокса,* – шептал предательский голос. – *Ты совсем не знаешь Пиаса. Ты влюбилась в совершенного незнакомца. Он монстр. Бездушный монстр. А что делаешь ты? Что ты сделала, кроме того, как сидела на заднице и ждала, когда все станет лучше? Ты такая идиотка, Ворриор. Тобой управляют твои же гормоны.*

Я захныкала. Большие пальцы Чейна продолжали меня гладить, но, когда я отвернулась, он прекратил.

– Глубокий вдох. Мы со всем справимся, – сказал он, звуча как акушерка, которая должна была заставить роженицу тужиться.

Черт возьми! Я не хотела успокаиваться и яростно покачала головой.

– Слушай! – продолжил Чейн, но я подпрыгнула и пнула книжку, отчего она пролетела через комнату и ударилась о стену.

Дрожа всем телом, я вылетела из гостиной, оставляя твинки, амброзию и остальных позади, и слепо бежала по холодному тоннелю, когда цепи вдруг натянулись, звенья лязгнули, и наручники впились мне в кожу. Я закачалась, слишком слабая, чтобы потянуть за них и потащить Чейна за собой так же, как Вирус тащил меня вчера. И все же я потянула за них, пока мои пальцы не побелели и не запульсировали. Натяжение без предупреждения ослабло, и я упала вперед. Обернувшись, увидела беспокойное лицо Чейна, который смотрел на меня с другого конца тоннеля. Сейлор и Эш стояли позади него.

Все трое выглядели так, будто оказались напротив голодного льва. Я беззвучно зарычала и ринулась в комнату, в которой недавно проснулась с Чейном.

Провела рукой по холодной ручке, закрывая за собой дверь. Дерево, разумеется, скрипнуло, и она снова открылась из-за этой идиотской цепи. Эмоционально заряженная, я пнула дверь и уперлась в нее так сильно, что спина начала болеть. Насильно закрыв ее, отчего цепь расколола раму, я задрожала и уселась на полу, обхватив колени руками. Мое дыхание было слишком частым. Слишком буйным. Слова крутились в голове, и я сильно ударилась ею о дерево.

Почему?

Еще раз. Удар и следующая за ним боль были удивительно приятны. На самом-то деле я никогда не была эмоциональной самоубийцей. Святые небеса! Да, я плакала, едва порезавшись бритвой, но в настоящее время удары об дверь были единственным, что удерживало мою крышу от путешествия в дурдом. Я больше не хочу! Я увольняюсь! Пусть мир идет к черту!

– Ворриор?

Послышался неуверенный стук в дверь и дыхание трех богов. Вместо ответа я ударила по двери локтем, и она загрохотала.

Сейлор взвизгнул, а Чейн откашлялся.

– Выходи, милая. Мы... Все это кажется намного драматичнее, чем есть на самом деле. Выходи, и мы поговорим обо всем.

Что? И о чем это они хотели поговорить? О том, что сделали мне одолжение, похитив? И почему они вообще забрали меня как какую-то горящую путевку, только усложняя наш план по свержению старых богов? Или, может быть, они хотели поговорить о том, почему мир, очевидно, срал мне в душу и очень радовался этому?

Мысли кружились в безумном потоке. Свет в комнате порывисто включался и выключался. Она то озарялась ярким светом, то погружалась в тень. Я расвирипела, и перед глазами возникла красная пелена. В прямом смысле этого слова. Что-то во мне щелкнуло. Что-то изменило меня. Не в физическом плане, но хрупкая нить моего терпения и так уже была натянута, почти порвалась. Богиня во мне ослабла. Она пробиралась сквозь тьму, боль и злость. Сжималась внутри меня и стремилась вырваться из моей кожи, словно перезрелый плод. Крылья высвободились и зашелестели вокруг тела, когда я вскочила на ноги и выпустила свою злость.

Пол загремел. Лампочка надо мной взорвалась на крошечные звенящие осколки, которые посыпались на голову. Мои стопы пульсировали в такт сердцебиению, которое выпускало волны энергии. Я слышала, как боги позади меня испуганно кричат. Стук Чейна в дверь стал более напряженным, и этот звук утонул в грохоте, когда магия сорвалась с поводка, словно бешеная собака. Концентрированный заряд попал в дверь и расколол ее. Я мрачно посмотрела на озадаченного Чейна, держащего в руке освобожденную от дерева ручку. Остальные испуганно смотрели на меня.

«Вот дерьмо», – читалось на лице каждого из них.

Мышцы на плечах заболели от напряжения, когда я расправила крылья. Они шуршали и наполняли комнату ярко-белым цветом, а пол трясся все сильнее, чувствуя мой нервный срыв.

Теперь у богов был повод кричать. Я вздрогнула, когда магия пронеслась по комнате агрессивной волной и ударила о кровать, которая взорвалась каскадом перьев и ткани. Следующий удар разрушил электронные устройства, стоящие по всему помещению.

– Нет! – услышала я визг Чейна, но к тому времени баракло уже искрилось и воняло горелым пластиком. Кабели торчали из хлама, блестяще отображая мое эмоциональное состояние. Я медленно обернулась и одарила богов взглядом хищника.

Все уставились на меня. Я сделала шаг вперед. Трещины сначала пробежали по деревянному полу, а затем пронзили граффити в коридоре.

Сейчас я уйду и закончу весь этот театр. Даже если Чейну придется все время тащиться за мной на цепи... или... Я посмотрела на кусок чего-то, торчащий из кучи электрического мусора. Острый и тонкий, словно нож гильотины. В голове сформировался план, и хотя часть меня начала панически визжать, богиня довольно улыбалась. Моя рука была маленькой, а пальцы длинными и тонкими. И все же наручники сидели слишком плотно, чтобы я могла из них вылезти. Но без большого пальца...

Я бросилась вперед и вытащила металлическую пластину из электрического мусора. Острое железо, словно горячий нож в масле, впилося в подушечки моих пальцев. Идеально. Я решительно подняла скованную наручниками руку.

Все, казалось, поняли, что я затеяла, и закричали. Чейн кинулся ко мне, но я уклонилась, ударила его крылом по лицу и занесла над собой острую пластину. Я без промедлений опустила ее к своему запястью.

– Нет! Прекрати!

Чье-то тело врезалось в меня и прижало к полу. Я ударилась спиной, уронив железный лист, и, вместо того чтобы отрезать мне палец, он отрезал всю руку. Было очень быстро. Я ощутила пронизывающий холод, а в следующее мгновение услышала, как цепи упали на пол вместе с рукой. Из обрубка хлынула серебряная кровь. Плоть была разрезана так ровно, что я видела лучевую и локтевую кости.

– Господи, как мерзко! – застонал кто-то надо мной.

Все замерли. Словно парализованные, боги смотрели на отрубленную руку. Она странным образом дрожала, напоминая хвост ящерицы. Это был мой шанс. Я притянула ноги и пнула Эйджа, который стоял ближе всех, в живот. Он застонал, согнулся и упал навзничь. Молниеносно поднялась и побежала к двери. Свободная! Без цепей. Ничто меня не удерживало.

Осознание свободы, каким бы мерзким способом я ее ни приобрела, позволило бежать еще быстрее. Ноги шлепали по холодному бетону. Быстрее, чем когда-либо. Крылья раскрылись. Я бросилась вперед по коридору, оставляя за собой поток серебряной крови. Внутренняя Ворриор в любом случае уже потеряла сознание и задыхалась. А вот богиня нервно трясла обрубком и поливала кровью стены. Рука все равно отрастет. Надеюсь.

Когда добралась до разветвления коридора, я бросилась в левый тоннель на удачу, пока шаги позади становились все громче. Было бы лучше, если бы они продолжали стоять там и пялиться на мою отрубленную руку. Я, скользя на ходу, повернула вправо, где увидела струйку воды. Вероятно, после этой погони у меня на пятках не останется кожи, но меня уже было не остановить, потому что иначе они догонят. А я этого допустить не могу. Больше не могу. Уровень воды в тоннеле поднимался. Она уже доходила мне до колен, и было так холодно, что мои икры ооченели, пока я пробиралась вперед с неизменной скоростью. Крылья поднялись и втянулись в спину, потому что стали слишком тяжелыми из-за влаги.

Дыхание хрипло отражалось от круглых стен, а взгляд метался в темноте, подмечая каждую тень. Силуэты богов виднелись позади. Казалось, будто они прошли не в то ответвление. Я сделала глубокий вдох и чуть медленнее пошла в следующий коридор. Услышала плеск воды и повернула голову влево. Чейн. Они меня догоняли. Я бесшумно сделала крюк. Прижалась к грязной земле и уперлась обрубком в зернистую стену. Волосы упали на лицо, стряхнув их в сторону, я побежала вправо и врезалась в решетку, которая закрывала выход.

Проклятье! Проклятье! Проклятье! Я стиснула зубы. Остальные были прямо позади меня.

– Ворриор! Пожалуйста, остановись. Мы не можем тебя отпустить. Ты нужна нам! – отчаянно крикнул Эш. Он казался таким же запыхавшимся, как и я.

Легкие жаждали воздуха, а сбившееся дыхание с трудом пропускало его. Я споткнулась и почувствовала холод решетки на своей спине. Попыталась оценить ситуацию и решить, стоит ли возвращаться, но боги к тому моменту уже меня настигли.

Они почти слились с собственными тенями. Особенно Сейлор, который появился передо мной из ниоткуда, схватил за волосы и потащил. Прочь от решетки и от свободы. Что-то металлическое прижалось к моему пульсирующему виску.

– Спокойно, а то я... – вероятно, он хотел сказать «выстрелю», но я решила застать его врасплох, чтобы он мне не угрожал, и ударила локтем в живот.

Он согнулся, и пальцы Сейлора надавили на курок, после чего послышался щелчок пистолета, когда пуля закружилась в барабане и вылетела. Я быстро среагировала и подняла голову, но тут же почувствовала, как она стала легче. Взрыв разорвал бетонную стену, и что-то на затылке шевельнулось.

Это место сильно горело, а хватка Сейлора усилилась. Я споткнулась, повернулась и увидела свои волосы в его руках. Они плавали в воде, словно водоросли.

Он их отстрелил. Я размяла шею, хрустнув позвонками. В ушах свистело от грохота выстрела.

– Ворриор, пожалуйста, позволь нам... – Чейн подошел ближе.

Его рука, как и прежде, была закована в наручник. Я фыркнула и напрягла крылья, а затем выпустила очередную волну магии, прицелившись в решетку. Магия ударилась о металлические столбы, которые с приятным треском вырвало из бетона. Решетка вылетела вперед и ударилась о стену.

Боги отшатнулись, и я сделала глубокий вдох, прежде чем поднять свою задницу и выбежать в новое отверстие. Впереди действительно виднелся свет. Значит, там был выход! Я понятия не имела, что находилось снаружи, но еще на шагок приблизилась к своей свободе. Боги возобновили погоню. Их присутствие щекотало шею, и я выскользнула из тоннеля, который в итоге оказался каналом сточных вод, установленным на высоте нескольких метров, и торчал из скалы. Все это я заметила лишь мимоходом. Тело закачалось на краю, сила тяжести потянула меня вперед, и я упала в ярко освещенный Тартар. Ветер растрепал теперь уже короткие волосы. Я расправила крылья, взмахнула ими и почувствовала мышцы спины. Воздух подхватил мои перья, вытянул их, и я наконец поплыла по небу, набирая скорость и мысленно радуясь свободе.

Неожиданно раздался выстрел, прогремевший в воздухе, и спустя несколько секунд я почувствовала пулю в левом крыле. Она разрешила мембрану. Перья разорвались и падали на землю. Жгучая боль заставила меня беззвучно вскрикнуть. Еще один удар пришелся на мое теперь уже правое крыло. Бум. Бум. Бум. Одна за другой пули разрывали крылья, лишая их силы. Я потеряла контроль и вошла в штопор, задрожав при приземлении, но тут же развернулась и увидела приближающихся ко мне Сейлора и Эша. Оба ярко светились. Эш – желто-красным цветом, как солнце, а Сейлор – голубым и белым, как луна. Они держали в руках сверкающие пистолеты, которые спустили меня с небес. Задыхаясь, я поползла назад. Оставшейся руки было недостаточно, чтобы сбежать, я была слишком медленной.

Сейлор и Эш стояли передо мной, и оба подняли оружие, чтобы я могла видеть дымящиеся черные дула. Я сплюнула кровь им под ноги и решила использовать все, что имею. Бладклоу и Василиск сорвались с моей кожи. Оба набросились на богов и сбили их с ног. Те все еще держали пистолеты и выстрелили. Адский пес взвыл. Я хотела подняться, но по земле что-то зашаркало, и Чейн, тяжело дыша, остановился. Растрепанные зеленые волосы спадали на его лоб, а ярко-желтые глаза остановились на мне.

– Пожалуйста! – пропыхтел он. – Я на твоей стороне. Я помогу тебе, но не так...

Я хрипло застонала и схватилась пальцами за маску на лице, но она не двигалась. Ни на миллиметр. Я вцепилась ногтями в кожу, оставляя царапины, но маска по-прежнему сидела словно приклеенная. Значит, Вирус действительно зафиксировал ее магией.

Отчаяние душило. Я решила ударить Чейна своей магией, но он уклонился.

– Пожалуйста! – умолял он. – Я помогу тебе. Ты должна лишь прекратить сопротивляться!

Я покачала головой, и следующая волна магии сбила его с ног. Чейн зашатался и выпрямился. Что-то сверкнуло в его руках.

– Я делаю это лишь потому, что ты не оставляешь мне иного выбора, – сказал он, и два лезвия пронзили мои плечи.

Послышался хлюпающий звук. Открыв рот в беззвучном крике, я заметила, что ножи пригвоздили меня к земле. Я отчаянно пыталась подняться, но лезвия все глубже врывались в плоть. Позади нас Сейлор и Эш боролись с Василиском и Бладклоу.

На мои глаза навернулись слезы, когда Чейн сел на меня и придавил к земле.

– Ты должна это прекратить! – крикнул он.

Я пнула его. Но он подобрался ближе и, прежде чем я смогла отреагировать, прижался своими губами к моим.

Он что, совсем сбрендил? Кажется, сейчас был не самый подходящий момент для языковой акробатики. Я извивалась и хрипела, на что Чейн лишь зарылся руками в мои короткие волосы, и поцелуй усилился. Появилось ощущение, будто он пытается высосать что-то из меня. Его магия горела внутри моего тела и билась с моей, которая сопротивлялась, словно дикое животное.

Он обнял меня, пока запах корицы заполнял мой нос. Я дрожала и вцепилась ногтями в его кожу. Его магия насильно проникала в меня. Яркая и кипящая, она наполнила меня, будто шар из энергии и света, и щупала изнутри. Она гналась по моим венам, пока даже мой обзор не был заблокирован золотым светом.

Рот открылся, когда энергетическая пальпация Чейна остановилась у моего горла. То самое место на шее, где был порез. Он открыл глаза и посмотрел на меня. Я ответила немигающим взглядом.

Он вообще понимал, что я чувствовала себя так, будто меня только что изнасиловали?

– Мне очень жаль! – смущенно произнес Чейн и, прежде чем я успела сообразить, что он задумал, прижал большой и указательный пальцы к моим губам.

Он заставил меня открыть рот и засунул всю руку в глотку. Я извивалась под ним, голова гудела, и все в ней стучало и пульсировало. Внутри поднималась тошнота. Что-то забулькало, и я ощутила в себе часть старой души. Она застряла во мне. Но откуда? Как могло случиться такое? Я ведь потеряла души в пустыне, а после того как меня стошнило Гераклом, думала, что больше ничего не осталось. Но, очевидно, один кусочек души, словно рыбная кость, застрял в горле. И из-за этого я не могла говорить?

Пальцы Чейна все глубже скользили вниз по моему языку мимо увулы и в горло, пока я не подавилась. Желудок скрутило, твинки поднялись вверх, и я больше не могла дышать.

– Нашел! – голос торжествующего Чейна доходил до меня как в тумане. Все гремело, и я чувствовала запах рвоты, когда он схватил кусок души и, еще сильнее сжав горло, вытащил. Он сидел так глубоко, что я даже чувствовала щекотку в животе, когда Чейн вытащил этот кусок черной слизи.

Воздух! Наконец-то воздух! Я жадно глотнула, откашляла слизь вместе с твинки и повернулась в сторону.

Чейн, к счастью, сразу же с меня слез. Глаза слезились, когда он, тяжело дыша, бросил кусок рядом с нами и вытер пот со лба. Его магия выскочила из меня, словно резинка, и я задрожала от холода.

Запыхавшись, я опустила голову и выплюнула еще слизь, чувствуя себя высушенной и опустошенной.

– Так, а теперь мы наконец-то можем нормально пообщаться, – сказал Чейн.

– Я... – моя речь прервалась волной хриплого кашля.

Я. Это первое слово, которое мне удалось произнести спустя, казалось, десять тысяч лет. Я выдохнула, и меня оглушил пронзительный визг. Зрачки расширились, когда раздался крик моего умирающего Василиска и грохот пуль, которые близнецы выпускали в монстра. Туловище змеи упало на землю так близко со мной и Чейном, что я видела, как увядала его жизнь.

Сердце сжалось, когда тело Василиска взорвалось и вернулось на мою кожу.

– Ворриор, пожалуйста, поверь мне, мы не хотим причинить тебе вред! – снова взмолился Чейн. Его лицо скривилось так, будто у него что-то болело. – Я помогу тебе. Знаю, это не очень похоже на помощь, но... – Чейн замер.

На мгновение мне показалось, что я смотрю одновременно в два лица. Он выглядел будто пьяным. Запах корицы сменился ароматом мяты, и уже секундой позже я смотрела в глаза

совершенно другого бога. Хотя у него было то же лицо, выражение было абсолютно иным. На меня смотрел Вирус. Он выглядел растерянно, пока наконец не понял, что здесь происходило. И пока не заметил, что моей руки не было на месте.

– Ты... – выдавил он, как будто только проснувшись.

– Я, – так же хрипло ответила я.

Его губы приоткрылись, но все, что он пытался сказать, было заглушено шумом обрушившегося на нас ада.

Глава 7

Сценарий слэшера

У ада были синие волосы, ледяные серые глаза, и он половину улицы взорвал своей молнией.

Магия закипела в венах, когда я увидела, как Пиас целится в нас. Позади него шли Рэйзд, Онор и Чарминг. Сконцентрированная магия богов делала воздух слишком плотным, чтобы дышать. Здания рушились и качались от их силы. Небо ревело. Я посмотрела на губы Вируса,двигающиеся, словно в молитве, и, дрожа, вытащила кинжалы из своих плеч. Сначала из правого, затем из левого. Все это сопровождалось хлюпающими звуками. Вирус поднялся с земли и поспешно огляделся, когда боги добрались до нас.

Онор оказался позади Вируса. Хотя он и был богом войны, я еще никогда не видела, как он сражается. По крайней мере, до сих пор.

Его мышцы напряглись, когда он поднял руки над головой, держащие рукоять черной косы. Острое лезвие выглядело прозрачным. Изогнутый кончик оружия сверкнул, когда Онор замахнулся им.

Вирус вовремя увернулся. Еще секунда, и его органы вывалились бы из живота. Испуганный крик Вируса эхом пронесся по улице. Он жестко приземлился на землю и перекатился на бок. Онор прыгнул вперед и отрезал ему путь. Рыжие волосы засветились. Они развевались вокруг бога, словно пламя, соединяясь с магией, которая ощущалась как голодное животное, спущенное с поводка. Все мое тело реагировало на бога войны Онора лишь чистым животным страхом. Его могущество было несравнимо со всем, что я до этого чувствовала. Оно казалось чем-то первобытным. Диким, как лев, и почти таким же голодным. Магия Онора не вписывалась в рамки ауры холодного интеллекта, которая окружала элиту. Она была потрясающе красивой и в то же время абсолютно жуткой. Мой желудок сжался, и желчь устремилась вверх. Пот стекал с шеи, и я замерла от страха. Вирус ахнул. Пораженные безудержной магией, его мышцы дрожали, когда он пытался отползти, но Онор уже наступил на его грудную клетку и зафиксировал зеленоволосого бога так, что его кости хрустнули. Лицо Вируса скривилось в маске чистого ужаса, когда Онор замахнулся и единственным плавным движением снес голову с его шеи.

Я замерла, не веря своим глазам. Онор обезглавил Вируса. За пару секунд. Я услышала бульканье и увидела, как рухнуло тело. Голова покатилась где-то рядом, а серебряная кровь заливала улицы. У меня закружилась голова. Слева и справа от меня приземлились Рэйзд и Чарминг. Последний ужасно бледный. Хотя дело, конечно, могло быть в яркой молнии, которая разгромила улицу, когда Пиас приземлился прямо передо мной.

– Ворриор... – он лишь прошептал мое имя, а в следующее мгновение я уже была в его объятиях. Мы зашатались.

– Пиас...

Наша магия переплелась и зашептала о дружбе и единении, которые ощущались чем-то новым и свежим, как новорожденный ребенок. Электричество зажужжало. Запах снега и озона ударил мне в нос, когда его магия окутала меня, словно пальто. В это мгновение я вспомнила ужасные истории о нем и уклонилась от прикосновения. Голос Чейна звучал в моей голове. В серых глазах Пиаса я видела тени всех, кого он убил. Все безликие боги, которые были частью его семьи. Сломанные шеи, тусклые глаза, и Пиас, с холодным выражением лица переступающий через их трупы.

Нахлынули эмоции. Такие сильные, что сочились из меня яркими лучами.

Пиас прижался ко мне, как утопающий к спасательному кругу, и дрожал, словно был наркоманом в период ломки. Он зарылся своими пальцами в мои короткие волосы.

– Я нашел тебя. Я нашел тебя, – хрипло шептал он мне на ухо. – Ты в безопасности! – он прижался ко мне своим лбом.

Этот нежный жест заставил меня зарыдать. Чувства были спутаны и сбиты с толку. Пиас, наконец, заметил, что я в его объятиях превратилась в каменную скульптуру, поэтому отодвинулся и беспокойно на меня посмотрел. В конце концов он увидел обрубленную руку, разорванные крылья и медленно заживающие раны. Они были везде, от пяток до волос, которые доходили теперь до подбородка и пахли порохом и дымом. Его взгляд стал более холодным. Радужка глаз Пиаса засияла каменным черным цветом, а пальцы сжались на моих предплечьях.

– Что они с тобой сделали? – безэмоционально спросил он.

Мои губы словно склеились. Я с трудом открыла их, с ужасом глядя в его лицо.

– Меня больше интересует, что сделали не они, а ты, – горло будто натерли наждачной бумагой.

Зрачки Пиаса сузились. Единственная его реакция. И она свидетельствовала о том, что он сразу же понял, о чем я говорила. Понял, что мне все известно. Я пошатнулась, прежде чем он снова схватил меня. Почти отчаянно.

Однако я сбросила с себя его руки, покачала головой и отшатнулась.

– Почему? – пробормотала я, чувствуя горячие слезы в уголках глаз. – Почему, Пиас?

Весь мир, казалось, задержал дыхание. Существовали только мы и огромная пропасть между нами. Мое сердце хрипело. Кричало. Выло.

– У меня не было другого выбора, – сказал он наконец.

– Но... – заикалась я. – Ты мог убить самого себя.

Его челюсть напряглась.

– Я бы это и сделал. Собираюсь сделать, когда все закончится. По крайней мере, таков был план, пока ты не ворвалась в мою жизнь, – тихо ответил он.

Долгие секунды я пялилась на него, как вдруг он снова открыл рот.

– Если бы я мог чувствовать, то ненавидел бы самого себя. И с радостью убил бы. Но тогда проклятье перешло бы на Чейна, а это еще хуже, чем все, что я делал раньше. Я решил вопрос быстро и безболезненно. Он бы не справился с этим. В отличие от меня, у него была душа. Его бы проклятье свело с ума и заставило страдать.

– Чейн? Почему? – все, что он говорил, было будто бессмысленным. Значит, Чейн был Танталом? А Брейва это проклятье не затрагивало? Вероятно, нет. Брейв был только наполовину братом Пиаса, а проклятье, судя по всему, накладывалось только на Танталов.

Зубы Пиаса сверкнули, когда он зарычал.

– Я не хотел этого делать, но пришлось. Ради защиты всех остальных.

– Ты убил его, – пробормотала я.

– Это было благословением для всех. Если бы я дал слабину и с самого начала положил конец своим страданиям, всему Тартару пришлось бы поплатиться за это. Кто-то должен был взять на себя бремя проклятия, и я сделал это, хоть мне и пришлось взвалить на свои плечи эту вину. Я хотел поступить правильно.

– Но... но Чейн! – больше я сказать не могла.

Пиас сглотнул.

– Я не мог остановить это. Проклятье принуждало меня. Сводило с ума и терзало многие десятилетия. Я должен был положить этому конец, иначе оно уничтожило бы всех нас.

Я промолчала, только стояла рядом с ним, словно пронзенная молнией, и ничего не чувствовала. Мой взгляд скользнул к обезглавленному Вирусу. Голова лежала, отвернувшись лицом в другую сторону, а грудная клетка поднималась и опускалась от дыхания, которое уже давно должно было прекратиться. Он жил, ведь был бессмертным. Я впервые увидела в этом

проклятье. Он и Чейн никогда не умрут, если Пиас не уничтожит их здесь и сейчас. Окончательно.

Пиас, казалось, думал о том же, потому что решительно поджал губы.

– Ты можешь ненавидеть меня, Ворриор. Я все равно не заслуживаю твоей любви. Но я должен покончить с этим. Мы должны свергнуть богов, а после я исправлю свои ошибки. Обещаю, – серьезно сказал он, направляясь к Вирусу, оставив меня позади.

Должна ли я что-то сделать? Но что?

Пиас вступил в блестящую лужу крови Вируса. Он отражался в ней, когда опустился на корточки. Вокруг его рук играло электричество. Губы Пиаса зашевелились, когда он заговорил с Вирусом. Я ничего не понимала, но пальцы обезглавленного тела дрожали. Электричество Пиаса сверкнуло, молнии зашипели и зажужжали, образуя длинное копьё, которое он крепко сжал. Напряжение наполнило все вокруг запахом озона, и волосы на моих руках встали дыбом. Я не хотела смотреть на богов, но не могла отвести взгляд. Пиас взял пустой конец цепи. Она явно реагировала на него, потому что натянулась и обвилась вокруг запястья. Проклятье плотной слизью стекало вниз по звеньям, сталкивая Вируса с неизбежной судьбой. Я уже чувствовала запах жженой плоти, но вдруг услышала, как капля горячей крови падает на бетон. Пиас ахнул. Я замерла. Мы оба смотрели на кинжал, вонзившийся в его сердце. Железный наконечник торчал из груди. Что?..

Пиас сплюнул кровь и упал. Позади него стоял тяжело дышащий Чарминг. Бледный как смерть, он смахнул капли с подбородка. Это он нанес удар. Последовал еще один, и я громко закричала.

– Чарминг! Нет!

Но он не слушал. Словно обезумев, бог проткнул его еще и вторым кинжалом, вонзив острое лезвие глубоко в грудь Пиаса. Рэйзд и Омор были такими же сбитыми с толку, как и я. Эти несколько секунд замешательства светловолосый бог использовал, чтобы схватить тело и голову Вируса и убежать с ними прочь. Цепь сорвалась с руки Пиаса и потащилась по земле. Краем глаза я увидела тень позади, и в следующее мгновение две крепкие руки обхватили мои предплечья. Потом меня пнули, отчего ноги подкосились, а появившиеся Эш и Сейлор потащили меня за собой.

– Пиас! – закричала я, упираясь ногами в землю.

Пиас встревоженно поднял глаза и плавным движением вытащил лезвия из своей груди. Кровь текла по земле, когда он запустил в нас молнию, ударившую так близко, что близнецы споткнулись о расколотую зарядом глину. Сейлор поднял руку и выстрелил. Пули вылетели из ствола и попали в плечо Пиаса, вырвав его стон, Эш тоже воспользовался оружием, отправив снаряды Рэйзду и Омору прямо между глаз. Когда их головы взорвались, послышался всплеск. Я не хотела этого видеть. Ни в коем случае. Но сумасшедшая часть меня паялилась на обоих богов и прокричала:

– Ваши мозги расплескались по улице! Помните правило пяти секунд!

В ответ на это замечание Омор застонал. Мой взгляд метался от одной сцены кровавого ужасика к другой. Он, наконец, остановился на Чарминге, который с каменным лицом бежал вперед. Навстречу человеку, сделавшему быстрое движение запястьем. Эйдж.

Его черные волосы были такими же темными, как дыра, которую он открыл с помощью своей магии. Ветер ревел и трепал мои волосы. Черная дыра была размером с люк, она кружилась и втягивала песок, словно торнадо.

Чарминг не медлил. Он запрыгнул туда вместе с телом и головой Вируса, а Эш и Сейлор так же решительно потащили меня за собой.

Я бесцельно палила своей магией, даже когда Эйдж уже толкал меня в дыру. В итоге я споткнулась и, проклиная все вокруг, упала вниз. Последним, что увидела, были ошеломленный взгляд Пиаса и Рэйзд, который бешено засовывал мозги в дырку у себя во лбу.

Глава 8

Я не собираюсь оправдываться перед отрезанными головами!

- Куда с этими двумя?
- В гостиную!
- Ты издеваешься? Они нам весь ковер кровью запачкают!
- Ну, тогда на кухню.

Сейлор, который нес меня, застонал. Я же была слишком занята рвотой. Ух, путешествие через черную дыру оказалось мерзким. Никогда, никогда больше не буду этого делать. Это хуже любых американских горок. Для меня было загадкой, как остальные могли не просто стоять на ногах, но и, несмотря на всю ситуацию, нестись по бетонным трубам, в которые нас выплюнул портал, не сбавляя скорости. Безмолвный и недовольный Эйдж плелся последним. Чарминг бежал впереди всех. Казалось, он прекрасно знал, куда идти, хотя до этого не сказал ни слова. Что, черт возьми, он здесь вообще делал? Почему... Буэ, тошнит.

– Господи! Мы больше никогда не дадим тебе твинки! – выругался Сейлор, когда я снова заблевала ему грудь.

– Радуйся, что это не кебаб, – невнятно пробормотала я, пока мир продолжал крутиться вокруг меня безумной каруселью.

Сейлор недовольно промолчал и поджал губы.

– Суши тоже пришлось бы кстати, – прошептала я. При мысли об этом мне снова стало плохо, и меня стошнило, когда мы свернули в знакомый коридор, который я прозвала адской дырой. Крысиная дыра, как мне казалось, было слишком приятным названием.

Сейлор прошел мимо гостиной и свернул в коридор слева, где оказалась большая кухня. Стены были отделаны белой, болезненно-желтой и местами треснувшей плиткой, под ногами лежал липкий серый линолеум. Я увидела раковину и жужжащий холодильник. Тут даже были плита, посудомойка и стиральная машина. В другом конце комнаты находился длинный деревянный стол, а угловая скамья и четыре стула завершали картину, хотя один из стульев был табуреткой без ножки.

Чарминг уложил тело Вируса на скамью, а голову на стол. Сейлор тоже освободил руки, бросив меня на столешницу, и я со стоном приземлилась на пластиковую скатерть с цветочками. Серьезно... Откуда у них такие жуткие в своем дизайне вещи? С сайта «Дерьмовожить.ком»?

– Если мы все умрем, то это только из-за тебя!

Я посмотрела на отрезанную голову Вируса и раздраженно захлопала глазами.

– Черт! Я слишком долго была в черной дыре, и теперь мне кажется, что эта голова говорит!

– Я могу оплевать тебя, если ты приблизишься еще на два сантиметра.

– Фу! – я с визгом попятилась назад и рухнула со стола.

– О нет! Оставайся здесь, милая! – зарычал Сейлор, хватая меня и поднимая обратно на стол.

В следующую секунду я почувствовала тяжесть на своей оставшейся руке, а затем металлический шелчок. Магия обожгла руку, и я с ужасом заметила, что цепь снова соединяла меня с Вирусом. Эти чертовы цепи!

– Что это вообще было? Ты хоть думала о том, что подвергаешь всех опасности, когда убегаешь прочь, как испуганная курица? – золотые глаза Вируса сердито сверкнули, а зеленые волосы растрепались.

– Seriously, как ты можешь говорить? – знаю, что зацепилась за деталь, ведь мы были богами и могли творить самые безумные вещи, но это невероятно меня раздражало.

Голова самодовольно ухмыльнулась. Она еще и улыбалась!

– Милая, все мое тело забито схемами, микрочипами и микроволокнами, не говоря уже о жидких кристаллах. Попробуй догадаться, где они. Моя левая рука может по Bluetooth соединиться с левым пальцем ноги. Расчленять меня примерно так же эффективно, как бить Пиаса током.

– Ладно, это невероятно мерзко, и вот тебе на заметку: я не разговариваю с отрубленными киборгскими головами! – выругалась я.

– Значит, ты не только глупая, но еще и склонна дискриминировать других?

– При чем здесь дискриминация?

– Пф-ф, я не разговариваю с однорукими идиотками.

– Аргх, не могу поверить, что спорю с головой! – отрезала я.

Вирус ухмыльнулся.

– Скажи это моей заднице. Может, хоть ее интересует твой скулеж.

– Разница была бы небольшая. Из нее ведь тоже выходит только дерьмо!

– Ух ты! И этим ртом ты целуешь свою бабушку?

– Нет, твою.

– Ты однозначно больше нравилась мне, когда не могла говорить.

– Какое несчастье. Ты, к сожалению, никогда мне не нравился так, как сейчас.

– Кто-нибудь может заткнуть ей рот?

– Что? Скажи еще раз! Твоя говорящая задница так странно бормочет!

– Довольно! – нас прервала громко закрывшаяся дверь. Чарминг. Светлые пряди свисали на его лицо, кайал размазался, а черный лак на ногтях облупился. Он смотрел только на Вируса, который стоически пялился на него в ответ. Остальные боги уселись на лавочку и, похоже, не совсем понимали, что делать с этим чужаком.

– Чарминг! – сказала я. – Почему... – я сухо сглотнула. – Почему ты это сделал? Ты что, все это время работал с ними? – мои слова становились все тише. – Неужели ты помогал им похитить меня? – голос сломался в конце предложения.

Чарминг наконец-то поднял взгляд, и от очевидной боли в нем у меня перехватило дыхание. Его предательство было горячей иглой в моей груди.

– Мне очень жаль, Ворриор, – прошептал он, содрогнувшись. – Пришлите им конечности обратно, – приказал он остальным.

Должно быть, я выглядела как растоптанная собачка, ведь даже Вирус смотрел на меня с сочувствием.

– Зачем пришивать? Они разве не отрастут сами? – спросила я дрожащим голосом.

Чарминг покачал головой. Его желваки ритмично сжимались, будто он стиснул зубы.

– Все заживет быстрее, если зашить. Кроме того, новые конечности долго отрастают.

К моему удивлению, Сейлор и Эш кивнули. Они знали его. Я заметила взгляды, которыми они обменивались. Чарминг однозначно давно был частью этой компании. Бог желания расправил плечи, поджал губы и без лишних слов вышел из кухни. Дверь за ним захлопнулась.

– Он предатель! – услышала я собственный удивленный голос.

Вирус нервно застонал.

– Молчи, если ничего не знаешь.

Я посмотрела на него, и горло обожгло, словно шнапс.

– Верно, я ничего не знаю. Но вы знаете друг друга, и это сложно не заметить.

Вирус фыркнул.

– Конечно, мы знаем друг друга, – заскучившим тоном ответил он. – Мы семья. Чарминг жил с нами десятилетиями, прежде чем уйти, чтобы присоединиться к элите, – он поморщил нос.

– Серьезно?

Ближе всех ко мне стоял Эш, и когда он заметил недоверчивый взгляд, грустно улыбнулся.

– Подозреваю, он не очень много о нас рассказывал...

Сейлор зарычал:

– Чарминг – урод. Он бросил нас в беде.

Эш предостерегающе посмотрел на своего брата и покачал головой.

– Все, что он сделал, можно понять! – оправдал он отсутствующего бога. Сейлор тут же открыл рот для контраргумента, но Эш прервал его, громко хлопнув в ладоши и начав потирать руки в притворном желании действовать.

– Да все равно. У нас есть еще голова и рука, которые надо пришить. Чарминг, предатель он или нет, прав. Отрастать они будут слишком долго. Ну что, где рука Ворриор? Эйдж, она у тебя?

Эйдж кивнул и полез во внутренний карман штанов, откуда торчали мои пальцы.

– О господи! – выдавила я. Рука выглядела так, будто ее протащили по уличной грязи и обратно. К плоти прилипли волоски, а как минимум три пальца были сломаны. Вирус злобно рассмеялся, а я щелкнула его по лбу.

– Ай! Эй!

– Немного испачкалась, – извинился Эйдж, плюнув на рукав рубашки и протирая пятно на моей руке. Звук его голоса заставил меня скорчить лицо в мучении. Любой прием у дантиста был бы приятнее.

– Нельзя просто так ее пришивать! – все же сказала я, вздрагивая от мысли о сепсисе, который могу заполучить вместе с рукой.

Эш согласно заворчал.

– Мы можем ее помыть.

– Голову Вируса тоже! Она выглядит так, будто прокатилась по половине улицы, – добавил Сейлор, схватив протестующую голову за волосы и критически исследуя раны.

– Ай! Ай! Ай-й-й! – завопил зеленоволосый слабак.

– Ну что ж, – вздохнул Эш, – четверти часа должно быть достаточно.

– Для чего это? – с недоверием спросила я, пока братья открывали посудомоечную машину.

– Для тщательной мойки, – ответил Сейлор с ухмылкой.

– Это идиотская идея! – отрезала голова Вируса.

Сэйлор положил ее вместе с моей рукой на решетку.

– Это замечательная идея. Потом ты еще и лимоном пахнуть будешь, – Эш зашуршал таблеткой для посудомоечной машины перед носом Вируса и, несмотря на активный протест, положил ее в отсек. Голова выругалась, и Эш закрыл дверь.

– Задержи дыхание, Ви, – добродушно посоветовал ему Сейлор, прежде чем запустить программу.

Я услышала грохот, когда рука начала нарезать круги в посудомоечной машине.

– Вы все здесь сумасшедшие, – сказала я богам, сновавшим по кухне.

Эйдж сел на стул рядом со мной и устремил взгляд в невидимую дыру в воздухе. Эш открыл холодильник и достал оттуда упаковку амброзии. Вторую он бросил своему брату, а в свою вставил трубочку и втянул ртом жидкость.

Сейлор закатил глаза.

– Вирус прав, ты действительно была милее, когда не могла говорить.

– А я считаю, что она смешная, – Эш ухмыльнулся, продолжая пить амброзию через трубочку.

– Да, смешная до колик, – проворчал Сейлор, но мы его проигнорировали.

– Хочешь тоже? – предложил мне Эш, указывая на упаковку в своих руках. – Ты потеряла много крови.

Первой реакцией было отказаться, но тогда я стала бы рассматривать невидимые дырки в воздухе, поэтому лишь пожала плечами. Эш отставил свою упаковку в сторону, достал новую и протянул мне соломинку. После первого же глотка голова перестала кружиться, и я вздохнула, облизывая губы.

– Как вы собираетесь пришить мне руку? – поинтересовалась я, потому что меня одолело странное чувство.

Сейлор поднял бровь.

– Чарминг, может быть, и умеет шить, но мы мужчины, – он открыл ящик рядом с плитой. – Поэтому будем крепить руку степлером, – он щелкнул ярко-красной машинкой.

Я стиснула зубы.

– Тот, кто подойдет ко мне с этой штукой слишком близко, проснется со скрепленной степлером задницей! – мрачным голосом угрожала я.

– Королева драмы!

– Безумец со степлером!

– Эй, Ви! Как твои дела? – прервал Эш нашу болтовню. Он открыл посудомоечную машинку и заглянул внутрь.

– Господи! Я пахну как туалетный диск, – закашляла голова.

– Еще пару минут продержишься?

– Нет!

– Отлично, – Эш радостно закрыл машинку. Почему-то я радовалась, что сейчас не на его месте.

– У вас есть игла и нить, чтобы я сама пришила себе руку? – я снова вернулась к проблеме.

– Извини, милая. У нас есть только степлер, но с ним все работает отлично, – Сейлор демонстративно застучал степлером у меня перед носом.

– Ну ладно. Тогда я хочу, чтобы Чарминг был моим степлерным ассистентом.

– Ну, сейчас он на нас дуется. Так что этим займусь я. Не переживай, я профессиональный степлерист. Называй меня Степли. Или лучше Блестящий Мистер Степли.

– Позови Чарминга, а то у Блестящего Мистера Степли не останется больше дырки, которой можно говорить, – мрачно ответила я. – Пусть объяснит мне происходящее, а то в посудомойке скоро окажется что-то большее, чем просто голова.

Сейлор посмотрел на меня и ухмыльнулся.

– Пожалуй, я рискну.

Магия загорелась во мне, заставляя волосы танцевать.

– На здоровье. Мне и так нечего делать, – зарычала я.

Он оскалил свои вампирские зубы.

– Не стоит брать на себя так много, богиня-малышка. Я наблюдал за тобой. Все, что ты умеешь, – бесцельно стрелять магией вокруг. Ты совершенно не тренировалась. Сколько бы в тебе ни было магического потенциала, каждый из нас может сорвать с плеч твою барби-голову. Тебя давно пора приструнить. Вызываюсь добровольцем, – его красные глаза голодно сверкнули, а сладкий запах магии ударил мне в нос.

– Извини, но мне не нравятся минималисты, – ответила я, многозначительно глядя на его промежность. Воздух трещал от наших магий, готовых наброситься на противника.

– Готово! – перебил Эш. Он остановился перед нами, держа мокрую и плюющуюся водой голову Вируса, и с гордостью протянул мне сморщенную, но чистую руку.

– Спасибо! – я взяла ее вместе со степлером и слезла со стола, при этом моя кожа отдиралась от пластика с липким звуком. Цепи зазвенели, и я без труда потащила тело Вируса за собой. Физические силы медленно, но возвращались.

– Что ты затеяла? – озадаченно спросил Эш. – Сейлор, что ты сказал ей? Почему она стала такой вредной?

– Правду.

– Она сваливает с моим телом! – последняя фраза была сказана Вирусом, который с паникой смотрел на меня сквозь свои мокрые пряди.

– Я иду к Чармингу. Тело заберешь позже, – фыркнула я.

Эйдж со скучающим видом посмотрел на меня и указал большим пальцем влево.

– Он в своей комнате. Четвертая дверь справа.

Я вздрогнула.

– Спасибо, – все же сказала я и вышла из комнаты.

Черт возьми, тело Вируса было тяжелым. Видимо, кто-то тайно пожирал твинки.

– Ты слишком жирный! – крикнула я и услышала, как голова сыпала проклятиями мне вслед.

На самом-то деле я ожидала, что боги остановят меня, но нашла способ уйти от них так, чтобы Сейлор и Эш не открыли по мне пальбу. Я не стучалась, а только толкнула нужную дверь и зашла в темную комнату. Кроме кровати, прикроватного столика и полки со всякой всячиной здесь ничего не было. Мои стопы утонули в пушистом ворсе ковра, а пыль защекотала нос. Чарминг свернулся калачиком на узком матрасе, слабо освещаемом лампой, и уставился в пустоту. Он наверняка меня слышал, но не сдвинулся с места. Я со стоном отошла в сторону, споткнувшись о ноги Вируса, а затем бросила свою руку и степлер на колени Чарминга.

– Нам надо поговорить, – сказала я, усаживаясь на кровать рядом с ним.

Чарминг поднял глаза, и они засветились, словно синие звезды. Я увидела в них слезы. Капли намочили его ресницы и уже стекали вниз по щекам. Мое сердце сжалось.

– Ох, Чарминг, – прошептала я, сглатывая ком в горле. – Что ты наделал? Я думала, что мы друзья...

Чарминг всхлипнул.

– Так и есть, – зарыдал он. – Мне так жаль, Ворриор. Поверь мне, я старался вытащить тебя отсюда. Хотел тебе помочь. Все это время. А потом Омор обезглавил Чейна, и я... я...

Нельзя было не заметить, что Чарминг говорил о Чейне, а не о Вирусе. Я неуверенно протянула к нему руку и, зазвенев цепями, положила ее на спину Чармингу, чтобы утешить, что заставило его зарыдать еще громче. Горячие слезы падали на мою отрезанную руку, лежащую на его коленях.

– Объясни мне это, – попросила я. – Потому что я не хочу тебя ненавидеть.

Чарминг громко шмыгнул носом, поднял голову и посмотрел на меня с дрожащей губой.

– Чейн, – сказал он сдавленно. – Он был моей половинкой.

Я замерла, но все же резко втянула воздух носом.

– Чейн – твоя половинка? – не веря своим ушам, повторила я.

Чарминг кивнул с выражением боли на лице.

– Ты имеешь в виду... он был ею, пока Пиас не убил его? – мой голос вдруг стал очень высоким.

Чарминг снова кивнул.

– Когда я прибыл в Тартар... – он замер, будто перебирал слова и думал, стоит ли говорить. – Это все сложно объяснить. Я здесь уже больше восьмидесяти лет, но, если считать по человеческому времени, меня сбросили сюда в две тысячи девятом году.

Я растерянно нахмурилась, пытаюсь осмыслить сказанное. Две тысячи девятый?

– Как... Я не понимаю, – заикалась я, и уголки рта Чарминга приподнялись в грустной улыбке.

– Когда я упал в Тартар, то провалился в пропасть: меня откинуло почти на семьдесят лет назад, – объяснил мне он. – Время в Тартаре нелинейно, а измерения хрупки, словно стекло. Это касается и места, и времени. Иногда возникают деформированные зазоры. Я попал в один из таких и очутился во времени, когда Пиаса только сбросили в Тартар. Чейн нашел меня, взял к себе, и мы... мы... – по его щеке скатилась слеза. – Это была любовь с первого взгляда, – с тоской в голосе признался он. – Моя жизнь до этого была забыта, но с Чейном я был счастлив.

Боль Чарминга так внезапно охватила меня, что я не могла не обнять его.

– Пиас неплохой человек, Ворриор, – прошептал он в моих объятиях. – Проклятие очень давит на него. Он думал о том, не убить ли себя, но тогда проклятье перешло бы на Чейна, а это закончилось бы абсолютной катастрофой. Для всех нас. Но возможность разорвать проклятье без жертв была. И Чейн это знал. Однажды на нашей кровати я обнаружил прощальное письмо. Он извинялся за то, что покидал меня. Чейн хотел поддержать Пиаса и положить проклятию конец, чтобы спасти всех от этого ада. Тартар тогда был совсем другим, – он сглотнул. – Он был жутким, Ворриор. Если бы я еще мог спать, мне бы снились кошмары с Тартаром того времени. Чейн пожертвовал собой, чтобы вытащить оттуда всех нас. Что за идиот!

Чарминг засмеялся и шмыгнул носом.

– Я в панике побежал к Вирусу и попросил его помочь, однако мы прибыли слишком поздно. В тот самый момент, когда Пиас убивал Чейна. Вирус был вне себя от злости. Он вобрал в себя личность Чейна, но с тех пор... – он покачал головой. – Я понял, что наша связь была прервана. Чейн все-таки в какой-то степени умер. Тот, кто продолжает жить в теле Вируса, уже не моя половинка, а лишь тень прежнего Чейна. Мне было невыносимо рядом с ним. Смотреть в лицо Вируса и каждый раз мечтать о том, что Чейн посмотрит на меня как прежде. Я ушел, а Чейн так и не простил этого, как и все остальные. Я думал, что с этим покончено и благодаря Брейву мое сердце зажило, но, когда Пиас готов был окончательно убить Чейна, будто произошло короткое замыкание. Я должен был спасти его. Даже если он был всего лишь тенью. Мне так жаль, Ворриор. Из-за меня ты снова в этих ужасных цепях.

После того как Чарминг закончил говорить, все его тело затряслось, и спустя мгновение он снова заплакал. Я молча обняла бога. Эту боль нельзя было описать словами. Я не могла утешить или отменить произошедшее. Магия Чарминга захлестнула нас волнами печали, и я ответила теплыми, успокаивающими импульсами, которые прокатились по его телу.

Мы так тесно сплелись, что я впервые заметила, как похожи наши энергии. Обе были сладковаты на вкус. И это покалывание после каждой волны, стремительно охватывающее нас. Я внимательно посмотрела на лицо Чарминга. Шестеренки в голове медленно закрутились. Его скулы. Ямочки на щеках, брови. Черт возьми. Он был похож на меня. Не говоря уже о Даймонд.

– Чарминг? – я подождала, пока он поднимет взгляд, и сунула свою руку ему под нос. – Ты прикрепишь мою ручку куда следует?

– Ой, – он шмыгнул носом и с извиняющимся видом улыбнулся. – Конечно, – он тихо засмеялся. – Эти болваны уже давно скрепляют каждую рану степлером. Звучит по-идиотски, но держится правда хорошо.

Он взял в руки машинку, пока я прижимала руку к обрубку. Я пыталась не вздрагивать, когда первая скоба вонзилась в мою плоть, но все же завизжала, что заставило его закатить глаза. Скоба действительно хорошо держала плоть, а Чарминг работал ловко и умело. Скоба за скобой впивались в мою кожу, и она зарастала. Теперь у меня была рука Франкенштейна.

– Чарминг?

– М-м-м? – пробормотал он.

Щелк. Следующая. Кровоснабжение восстановилось, и я почувствовала покалывание в пальцах.

– Чарминг, может ли быть такое... – я колебалась, подбирая слова.

Щелк.

– Что?

Щелк. Еще одна осталась. Сейчас или никогда! Я сделала глубокий вдох.

– Может ли быть такое, что мы с тобой родственники?

Щелк.

– Аргх. Ай! – он выругался и затряс большим пальцем, который проткнул степлером. –

Дерьмо, я должен...

Он только хотел встать и сбежать, как я схватила его за руку и заставила остаться на месте.

– Ты мой брат? – задала я более конкретный вопрос. – Ты выглядишь как Даймонд.

Бог резко втянул воздух носом. Он выглядел несчастным и в то же время взволнованным.

– Нет! – все же сказал Чарминг, к моему удивлению. – Я не твой брат.

– Но...

– Я твой племянник.

Моя челюсть отвисла.

– Я так похож на Даймонд, потому что она моя мать.

Глава 9

Ворриор и Чарминг – когда боги истекают кровью...

– Что?

Чарминг вздрогнул и виновато посмотрел на меня.

– Ты моя тетя... – он смущенно почесал затылок.

– Тетя... Что... ты... э? – это было все, что я могла произнести.

– Я уже давно хотел тебе сказать, – признался он, – но как-то подходящего момента не было. – Чарминг прикусил губу.

– Что... но... где... как? – озадаченно взвизгнула я. Мое сердце сжалось. Я, прищурившись, смотрела на Чарминга. – Но... – я напряженно сглотнула. – Как такое возможно? Я бы, наверное, заметила, если бы одна из моих сестер забеременела... Обычно это сопровождается животом. И я бы наверняка шутила про выбрасывающихся на мель китов, можешь быть уверен. Да и ребенка трудно не заметить. Если, конечно, Афродита не держала тебя на чердаке, скармливая тебе рыбы головы.

– Нет. Никаких рыбьих голов.

– Но как...

– Я рос в Олимпе, – прервал меня он. – По крайней мере, пока они не поняли, что я бог. После этого все пошло под откос.

Совершенно ошеломленная, я закрыла рот, чувствуя, как мысли прыгают в моей голове, словно резиновый мячик.

– Но кто... я имею в виду, с кем Даймонд... кто твой отец? Она уже целую вечность встречается с Брейвом и... – Мои глаза округлились. – Фу, Чарминг! Брейв что, твой отец? Ты флиртуешь со своим собственным отцом? Насколько же это мерзко! Бе! А ну прекращай!

– Нет. Нет. Нет! – он, качая головой, поднял руки и показал жест «тайм-аут». – Брейв не мой отец. Даймонд забеременела в пятнадцать лет. От Адониса.

Я приостановила потоки «бе» и уставилась на него.

– От Адониса? – спросила я. – Ты уверен? Но этот парень такой... жутко привлекательный. Я думала, он гей. Кроме того, он лучший друг Афродиты.

Чарминг поджал губы. Под его глазами виднелись темные круги.

– Ты что, плохо слушала на уроках? Все эти штуки с тычинками и пестиками работают у мужчин любой сексуальной ориентации. Поверь мне, у Адониса есть множество извращенских отклонений, которые не исключают женщин. Особенно если речь идет о симпатичных девственницах.

– Я ничего об этом не знала, – вяло ответила я, хотя, когда задумалась, вспомнила о паре их странных встреч.

– Думаю, это не для всех было добровольно, – продолжил Чарминг. – Даймонд была юной и красивой, когда Афродита впервые взяла ее с собой на Олимп. Тогда она понравилась многим богам, и прежде всего Адонису. Сомневаюсь, что она осмелилась бы сопротивляться его ухаживаниям.

– Ты хочешь сказать, что он ее изнасиловал? – в ужасе спросила я, думая о моей гордой, красивой и слишком холодной сестре. Это объясняло некоторые вещи. Мое сердце сжалось. – И Афродита это допустила? – тупо спросила я.

Выражение лица Чарминга вдруг стало жестким.

– Афродита богиня любви. Я думаю, она даже форсировала события.

Между нами ненадолго повисла тишина. Я уставилась на Чарминга. На моего племянника! Поверить не могу. Я была тетей. Мир становился все страннее с каждой секундой.

– Значит, ты только... я старше тебя? Если Даймонд было пятнадцать, когда ты родился, значит, я уже существовала в этом мире. Должно быть, мне было пять лет.

Он ухмыльнулся и обнажил ряд белых зубов.

– Это только в теории. Но поскольку я могу называть себя гордым путешественником во времени, то считаю себя на пару лет старше.

– Это сумасшествие!

– Это ты так сказала.

– Теперь я как будто действительно в сериале «Сумеречная зона».

– Можем запустить свое шоу на Netflix.

– Тогда бы оно называлось «Ворриор и Чарминг. Когда боги истекают кровью», – вяло пошутила я.

– Звучит так, будто у нас месячные, – так же неубедительно ответил он, и мы оба глупо захихикали. Я все еще чувствовала себя так, словно меня переехал трактор.

– Ты мой племянник, – прошептала я, и мы посмотрели друг на друга. Действительно. У нас были похожие брови и подбородки. Как и наша магия, вибрировавшая между нами. Я как будто вдруг поняла что-то, для чего была слишком слепа последние недели. – Значит, мы... мы семья? – мой голос звучал хрипло от слез, сдавивших горло.

Семья. Такое странное слово, учитывая, с какими негативными ассоциациями у меня связаны эти пять букв. И вдруг они получили новое значение. Значение, которое не давило на сердце, а сияло, словно лучик солнца, пробивающийся сквозь тень, которую бросало на меня дурацкое детство. Оно разбудило что-то, что, как мне казалось, уже давно умерло. Надежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.